

МДЧ 343953

773030

А. И. МУСУКАЕВ

ИЗ
ПРОШЛОГО
НЕЗАБЫТОГО

140
А. И. МУСУКАЕВ

ИЗ ПРОШЛОГО НЕЗАБЫТОГО

(К вопросу изучения этнографии
дореволюционной Балкарии)

773953

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1975

Кабардино-Балкарская Государственная библиотека

Библиотека имени И. П. Мухоморова

Предлагаемая работа посвящена отдельным вопросам общественного и семейного быта балкарцев. Автор книги кандидат исторических наук А. И. Мусукаев, ученик известного кавказоведа доктора исторических наук, профессора В. К. Гарданова, в течение нескольких лет активно занимается исследованием архаических общественных организаций, существовавших в Балкарии в конце XIX—начале XX вв. В книге освещаются такие важные проблемы этнографии, как сущность больших семей отцовского типа, их распространенность в балкарском обществе, структура патронимии, впервые приводятся родословные схемы отдельных балкарских фамилий, делаются выводы относительно генезиса больших семей и патронимий и разбирается ряд других этнографических вопросов.

М $\frac{0162-068}{М 125(03)-75}$ 81-75

ВВЕДЕНИЕ

Балкария... Ее история стала активно разрабатываться только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время мы можем наблюдать, как с каждым годом растет интерес народа к культуре и истории прошлого. И это не случайно, поскольку будущее связано с сегодняшним и вчерашним днем. Мы должны знать, кто мы такие, кто наши предки, как они жили, какой была их духовная и материальная культура? Что они оставили нам в наследство и что мы несем от них своим потомкам?

«Чтобы смело заглянуть в завтра,— замечает ученый и популярный писатель Чечено-Ингушетии М. А. Мамакаев,— нам нужно оглянуться на прошлое. Помня, что любое новое вырастает из недр старого, мы должны нести в будущее и славные традиции прошлого и замечательные свершения настоящего»¹.

Несмотря на ограниченность письменных источников — литературных материалов и архивных документов, в последние годы написано значительное число работ по различным вопросам балкарской истории и этнографии. И в этом большая заслуга таких ученых-исследователей, как К. Г. Азаматов, Н. Г. Волкова, В. К. Гарданов, Е. О. Крикунова, Т. Х. Кумыков, Л. И. Лавров, Г. Х. Мамбетов, Я. С. Смирнова, Х. И. Хугуев и другие.

Однако не решен еще ряд актуальных проблем, в частности, не изучены архаические формы общественной организации балкарцев — большая семья и патронимия², существовавшие

¹ М. А. Мамакаев. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973, стр. 5.

² В исторической и этнографической литературе известны такие формы семьи, как большая и малая, индивидуальная. В конце XIX — начале XX вв. они сосуществовали параллельно у многих народов. Малые семьи этого периода в основных своих чертах были еще патриархальными и отличались

в дореволюционной Балкарии в качестве пережитков первобытно-общинного строя.

Балкарцы — один из тюркских народов Северного Кавказа, в течение длительного времени живущий на северных склонах Большого Кавказского хребта в верховьях рек Черек, Чегема и Баксана, а с конца XIX и начала XX вв. и в некоторых предгорных районах. Территория Балкарии, пересекающаяся с северо-запада на юго-восток четырьмя параллельными хребтами, разделяется на четыре ущелья: Черекское (Балкарское), Хуламо-Безенгийское, Чегемское и Баксанское. Соседями балкарцев на севере являются кабардинцы, на юго-востоке — осетины, на юге и юго-западе — рачинцы и сваны, на западе — карачаевцы. Поселения балкарцев во всех четырех ущельях располагаются на склонах гор и в долинах рек на высоте от 700 до 2000 метров над уровнем моря.

До революции Балкария входила в Нальчикский округ Терской области. В настоящее время она является составной частью Кабардино-Балкарской АССР.

Самоназвание балкарцев — «малкъарлы» — «балкарцы»

неустойчивостью, т. е. они нередко, изменяя свою структуру, превращались в большие семьи отцовского типа. Большие семьи в дореволюционной Балкарии представляли собой такие семейно-родственные и хозяйственные коллективы, которые состояли из родственников нескольких поколений по нисходящей линии, т. е. от отца к сыну и т. д., характеризовались коллективной формой собственности, общим производством и потреблением при деспотическом управлении. Большие и малые семьи как формы семьи различались качественно и количественно, причем определяющим было качественное, структурное отличие. Нередко в балкарских селах можно было встретить большие и малые семьи с одинаковым численным составом. Например, семья из 11 человек могла быть большой и малой. В таком случае большая семья включала в свой состав отца, мать, женатых и неженатых сыновей, внуков (в семьях такого типа старшее поколение представлялось одной парой) или же трех-четырех женатых братьев со своими семьями; малая — отца, мать и девятерых детей. Нужно отметить, что существенную роль играло соотношение в семье представителей разных поколений, т. е. большая семья из двух поколений обязательно должна была включать в свой состав минимум двух женатых братьев со своими семьями, трех- или четырехпоколенная семья — хотя бы две брачные пары (см.: мои полевые тетради. Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29 и «Посемейные списки и опросные Чегемского общества Нальчикского округа за 1905—1906 гг. — ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 8). И не следует забывать, что большая могла быть семья только с большим количественным составом. Большие семьи в Балкарии конца XIX — начала XX вв. могли состоять из 5—6 человек, 12—14 и 20—25. Более подробно об остальных отличительных чертах большой семьи вы прочтете ниже в работе.

Естественное разрастание больших семей, в силу существовавших социально-экономических условий жизни, имело свои пределы, приводившие к разделам большесемейных коллективов и образованию родственных объединений, которые носили название патронимии. Патронимические коллективы включали в себя не только родственников по крови, но и всех членов семьи. Семьи, входившие в эту организацию, объединялись экономическими, социальными и идеологическими отношениями, проявлявшимися в конце XIX — начале XX вв. в различной степени.

(срн. «таулу» — «горец»), но обитатели каждого отдельного ущелья издавна называют себя по имени того ущелья, где живут. Так, жители Черекского ущелья именуют себя «малжъарлы», Хуламо-Безенгийского — «холамлы» и «бызынгылы», Баксанского — «бахсанчы». В официальной литературе и печати конца XIX — начала XX вв. Балкарию именовали «Горские общества Кабарды».

«В археологическом, этнографическом, историческом отношении горцы Кабарды (балкарцы.— А. М.) представляют значительный интерес», — писал еще в декабре 1883 г. В. Ф. Миллер в сообщении «О поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года», отправленном в Кавказский отдел Географического общества.

Балкария, занимавшая до революции изолированное положение, была мало изучена, и поэтому этот интерес до настоящего времени не утратил своей значимости.

Особенно актуально изучение большой семьи и патронимии у балкарцев, что дает возможность полнее представить их общественный и семейный быт в конце XIX — начале XX вв. и, кроме того, помогает более глубокому исследованию общих закономерностей и особенностей развития семьи у различных народов СССР. Без научного освещения вопросов, связанных с архаическими пережитками первобытно-общинного строя, существовавшими в Балкарии в период развивающихся капиталистических отношений, нельзя понять во всей полноте тех изменений, которые произошли здесь за годы Советской власти.

Для выяснения характера большой семьи и патронимии у балкарцев кратко воссоздадим конкретно-исторические условия развития балкарского общества в конце XIX — начале XX вв., так как изменение семьи на протяжении всей истории человечества находилось в зависимости от характера общественных отношений каждой конкретной эпохи. К. Маркс писал, что «семья должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество»³.

Период конца XIX — начала XX вв. в Балкарии представлял собой переходную историческую эпоху. Общественное устройство балкарцев характеризовалось переплетением элементов начального этапа капитализма и феодализма с пережиточными формами общинно-родового строя. В связи с этим была сложной и сословная структура балкарского общества. В балкарское феодальное общество входило несколько социальных групп. Возглавляли сословную лестницу представители господствующего класса — таубни. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский писали: «Во главе социальной лестницы стояли так называемые «таубни», что в буквальном переводе значит «горские князья».

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 9. М., 1941, стр. 37.

Число их весьма ограничено; всех княжеских династий мы насчитываем 13. Они распределены неравномерно между разными аулами»⁴.

Таубин, в русских источниках прошлого столетия называвшиеся старшинами, владели большей частью лучших земель и громадными отарами овец.

Крестьянство, находившееся в различной степени политической и экономической зависимости от таубиев и составлявшее основную массу балкарского населения, делилось на несколько категорий: каракыши (къаракиши), ясакчи (жасакъчы) и чагары (чагаркъул).

Балкария, как и многие другие районы Северного Кавказа, представлявшие собой национальные окраины царской России, в конце XIX — начале XX вв. находилась в начальной стадии капиталистического развития. Сохранение большой семьи и патронимии у балкарцев было результатом сложившихся условий жизни горцев. Вековая изолированность балкарского населения задержала экономическое и культурное развитие этого народа. Патриархальное сельское хозяйство продолжало упорно существовать в недрах развивающегося капитализма. Сельское хозяйство в Балкарии носило потребительский характер. Из сельскохозяйственных орудий использовались деревянная соха, деревянная борона, железные серп и коса. В экономике Балкарии особое место занимало производство шерстяных изделий бытового назначения: ковров, войлоков, сукна, бурок, различных вязаных вещей.

Как и во многих других горных районах Кавказа, находившихся в стороне от крупных торговых и культурных центров, в Балкарии до Октябрьской революции сохранялось натуральное хозяйство. Характер распределения продуктов труда в крестьянских хозяйствах, т. е. в больших семьях у балкарцев, исключавший товарный обмен, не содействовал превращению их в товары и стоимость. Суть натурального характера производства заключалась и в том, что продукты труда производились для личного потребления, а не для продажи. Ни таубин, ни представители крестьянских сословий не имели возможности отчуждать значительной части производимого в их хозяйствах продукта. Этому процессу подлежал лишь избыточный продукт, остававшийся после возмещения средств производства и удовлетворения личных потребностей.

Натуральное хозяйство, с присущими ему примитивной техникой и слабо развитыми экономическими отношениями, служило почвой для бытования ряда институтов родового строя в эпоху перехода от феодализма к капитализму. И все же переход от феодализма к капитализму сопровождался последо-

⁴ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды.— «Вестник Европы» (далее ВЕ), 1884, ч. 4, стр. 573.

вательной ломкой всех старых патриархальных отношений. Новые капиталистические отношения, вторгаясь в народный быт, вызвали массовые разделы больших семей, ослабляли экономическое, общественное и идеологическое единство членов патриархальных семей, вели к окончательному исчезновению пережитков родового быта.

В изучаемый период наблюдался процесс постепенной концентрации земли и других средств в руках крупных землевладельцев, усиливалось расслоение деревни. Результатом углубления процесса расслоения крестьянства было образование сельского кулачества и нищего крестьянства. Классовая дифференциация шла по линии землевладения и скотовладения. Заметно начала возрастать экономика Балкарии, расширялась связь балкарского населения с рынком. В. И. Ленин писал, что «русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих товаров»⁵.

Усиливавшееся влияние русского капитализма способствовало развитию в Балкарии скотоводства⁶ и в некоторой степени — земледелия⁷; примитивные сельскохозяйственные орудия начинали вытесняться привозными. И все же производительность труда в земледелии оставалась на низком уровне ввиду ограниченности пригодной для пахоты земли. Продукты земледельческого хозяйства, продолжавшего носить натуральный характер, не только не предназначались для рынка, но и нередко не удовлетворяли потребностей отдельных семейных коллективов⁸.

Товарно-денежные отношения, проникая в хозяйственный быт балкарцев, развивали торговлю землей, тем самым способствуя сосредоточению земли в руках состоятельных слоев балкарской деревни и обнищанию крестьянства. Увеличивавшаяся материальная зависимость крестьянства от богатей и зажиточных слоев населения привела к появлению наемных работников. Как видим, дореволюционная Балкария под влиянием русского капитализма, стремившегося активнее использовать в политических и экономических целях колоннальные окраины России, быстро втягивалась в процесс развития капиталистических отношений.

Проникновение капиталистических отношений в крестьянские промыслы разрушало натуральное хозяйство, создавало сельскую буржуазию, скупщиков и торговцев, усиливало товар-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

⁶ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1718, л. 43.

⁷ См.: «История Кабардино-Балкарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской революции)», т. 1. М., 1967, стр. 321—323.

⁸ См.: «Документы по истории Балкарии. 40—90-е гг. XIX в.». Составитель Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959, стр. 121.

ность отдельных промыслов. В экономике Балкарии наличествовало несколько экономических укладов: патриархально-феодальный, мелкотоварный и частнокапиталистический. Частнокапиталистический уклад в этот период находился в зачаточной форме. Основными видами хозяйства у балкарцев, связанного с товарным производством, были овцеводство и коневодство.

Включение Балкарии в экономическую систему русского капитализма имело прогрессивное значение в том отношении, что создавало объективные условия для развития ее экономики. С развитием капиталистических отношений возрастали экономические связи балкарцев с другими народами Кавказа. Но капиталистические отношения в Балкарии конца XIX — начала XX вв. не получили широкого развития и не разрушили основательно устой патриархального хозяйства. Патриархально-феодальные пережитки и колонизаторская политика царского правительства значительно тормозили развитие капитализма.

Из обзора социально-экономических отношений в Балкарии изучаемого периода видно, что в быту балкарцев имелись все условия (отсталое сельское хозяйство, стимулировавшее сохранение начал коллективизма, малоземелье)⁹, способствовавшие бытованию большой семьи и патронимии, пережитков патриархального уклада. Натуральное хозяйство, оторванность от торговых центров, географическое положение — все это препятствовало более активному развитию экономических и культурных связей балкарцев с другими народами Кавказа и являлось главной причиной длительности существования в Балкарии архаических общественных организаций.

Специфические формы ведения скотоводства и земледелия, примитивные сельскохозяйственные орудия труда требовали огромных затрат энергии и немалого количества рабочих рук, заставляли несколько поколений родственников в пределах одной семьи вести коллективное хозяйство. Сохранению больших хозяйственных и семейных коллективов способствовали и тяжелые налоги, и усиленная эксплуатация таубьями. Экономическое преимущество большой семьи над малой определяло ее положение в условиях развивавшихся капиталистических отношений.

Данная книга ставит перед собой цель дать историческую характеристику большой семьи и патронимии, существовавших в экономической и общественной жизни балкарцев в конце XIX — начале XX вв., определить их характерные черты, роль и место в процессе развития общественного строя балкарцев, установить причины длительности сохранения вышеуказанных институтов в классовом обществе. Исследование

⁹ См.: Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды.— «Терский сборник», вып. 5. Владикавказ, 1903, стр. 180.

большой семьи и особенно патронимии у балкарцев вызывает значительные трудности ввиду отсутствия в этнографической литературе специальных работ по этим вопросам и ввиду недостаточной изученности истории Балкарии в дореволюционной и советской этнографии. Кроме того, задача исследования пережитков общинно-родового строя в классовом обществе осложняется и тем, что новые общественно-исторические условия значительно видоизменили эти институты, завуалировав их форму и содержание.

В качестве теоретической базы в работе были использованы труды классиков марксизма-ленинизма¹⁰.

Важное значение кавказского этнографического материала для изучения истории семьи и других кровнородственных организаций в свое время подчеркнул Ф. Энгельс, указав, что у горцев Кавказа М. М. Ковалевский мог еще в конце XIX в. наблюдать такую архаическую общественную организацию, как «патриархальная домашняя община». Как известно, Ф. Энгельс высоко оценил труды М. М. Ковалевского, посвященные большой семье на Кавказе. Именно опираясь на исследования М. М. Ковалевского, Ф. Энгельс в четвертом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» отмечал, что большая семья «образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»¹¹. В этом же произведении Ф. Энгельс впервые дал научное определение большой семьи. Большая семья, писал он, представляет собой такой коллектив, который «охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов»¹².

При написании работы автор использовал три группы источников. Во-первых, историко-этнографические исследования, статьи, очерки, в которых отражен материал по этнографии Балкарии и по проблемам большой семьи и патронимии у других народов Кавказа, то есть в книгу был включен сравнительный материал по большой семье, семейному быту и патронимии народов Кавказа. Во-вторых, архивные документы, хронологически относящиеся к концу XIX — началу XX вв. и хранящиеся в фондах центральных государственных архивов Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. И в-третьих, этнографический

¹⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21; Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20; К. Маркс. Черновые наброски письма В. Засулич (8 марта 1881 г.).— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 35; В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 61—62.

¹² Там же, стр. 59.

материал, собранный за время многократных поездок по Балкарии в 1969—1975 гг.¹³.

При изучении семьи, семейного и общественного быта неопенимую помощь оказывают адаты народа. Балкарские адаты начали записываться впервые чиновниками и представителями административной власти в 20-х годах XIX в. В 1882—1883 гг. балкарские адаты, собранные начальником центра Кавказской линии Галициным, были включены Ф. И. Леонтовичем в его труд «Адаты кавказских горцев»¹⁴.

Проблема большой семьи у балкарцев в существующей этнографической литературе не получила должного решения. Объясняется это тем, что изучение данного вопроса началось лишь в 80-е годы XIX в., в тот период, когда большая семья находилась в стадии распада.

Первым из исследователей внимание на бытование больших семей у балкарцев обратил М. М. Ковалевский¹⁵. В 1883 г. он вместе с В. Ф. Миллером совершил десятидневную поездку по Балкарии, результатом которой явился их очерк, опубликованный в «Вестнике Европы»¹⁶. Понятно, что за такое короткое время М. М. Ковалевскому удалось собрать весьма немного сведений о большой семье, однако уже в этой работе авторы, сравнивая большую семью балкарцев с югославской задругой и русской большой семьей, определили тип балкарской большой семьи, впоследствии названной М. О. Косвенем «отцовским типом» большой семьи¹⁷. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский писали: «Это своего рода «задруга», или еще точнее, русская большая семья с наследственным и невыбираемым старшиной»¹⁸. Они отметили также, что большую семью у балкарцев возглавлял отец; и только в случаях болезни или глубокой старости отца его место занимал старший сын. Касаясь имущественных взаимоотношений большой семьи, авторы сообщали, что в общем владении находилось как движимое, так и недвижимое имущество. Женщина в такой семье имела личную собственность, состоявшую из приданого, пополняемого ее трудом в семье мужа. Приданое выделялось из общесемей-

¹³ Часть материала сдана в Архив Института этнографии АН СССР (Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29), опубликованы две статьи: «Большая семья у балкарцев в конце XIX — начале XX вв.» — «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.», т. I. М., 1972; «Патронимия у балкарцев в конце XIX—начале XX вв.» — «Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.», ч. I. М., 1974.

¹⁴ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, ч. I. Одесса, 1882.

¹⁵ См.: Ф. Мусукаева. М. М. Ковалевский в Балкарии.— Газ. «Путь к коммунизму», 1974, 16 марта (№ 53).

¹⁶ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч.

¹⁷ См.: М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 72.

¹⁸ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 582.

ного имущества отцовского дома, которое затем увеличивалось за счет труда женщины и подарков родственников жениха, полученных ею во время свадьбы.

В своей работе В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский попытались, и неудачно, объяснить причины разделов больших семей теорией трудовой собственности: «Причиной к тому,— писали они,— служит нежелание частных лиц поступиться своими личными заработками»¹⁹. Будучи представителями буржуазной социологии, авторы очерка видели причину распада больших семей только в личных экономических взаимоотношениях, не усматривая в этом процессе общего процесса экономического развития балкарского общества, проникновения товарно-денежных отношений и победы в этой связи частной собственности над коллективной, общесемейной. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский в данном очерке уделили специальное внимание вопросу о правах наследования общесемейного имущества женщинам.

Значительно полнее материал о большой семье у балкарцев дан в другой работе М. М. Ковалевского, написанной им в соавторстве с И. И. Иванюковым,— «У подошвы Эльбруса». Работа эта вышла после второй поездки М. М. Ковалевского в Балкарию, состоявшейся в 1885 г.²⁰, и в ней нашли отражение наиболее существенные черты внутрисемейной жизни балкарцев. Авторы не только описывали, но и пытались объяснить те или иные явления семейной жизни балкарцев. В статье определенно называется численный состав больших семей. Характеризуя управление большой семьей, авторы отметили, что главой ее является старший в доме мужчина и что он представляет семью во всех внешних делах и перед властями.

Несмотря на ошибочность некоторых положений, вышеперечисленные работы представляют собой ценный вклад в изучение большой семьи у балкарцев. Не менее важной заслугой работ В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова является и тот факт, что ими впервые обращено внимание на органическую близость больших семей у народов Кавказа с югославской задругой и русской большой семьей.

Важные сведения о большой семье можно почерпнуть из статей Е. З. Баранова и Н. Ф. Грабовского²¹.

¹⁹ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 582.

²⁰ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса.— ВЕ, 1886, т. 1.

²¹ Евг. Баранов. Поездка в Урусбиевское общество горских татар.— Газ. «Терские ведомости» (далее ТВ), 1891, № 56; его же. Очерки землевладения в горах.— Газ. ТВ, 1892, № 14, 17, 19; его же. Очерки из жизни горских татар Кабарды.— Газ. ТВ, 1894, № 141, 145, 149; Н. Ф. Грабовский. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа.— «Сборник сведений о кавказских горах» (далее ССОКГ), вып. 3. Тифлис, 1870.

Характеризуя экономический быт балкарцев, Е. З. Баранов подробно описывает один из древнейших видов коллективной собственности больших семей — центральное жилище. Помимо описания центрального жилища, автор дает характеристику таких видов коллективного имущества больших семей, как скот, пахотные, сенокосные и пастбищные участки. Пахотные и сенокосные участки, расположенные вблизи аулов, являлись, как неоднократно указывает Е. З. Баранов, собственностью отдельных семей. О пастбищах он пишет, что они принадлежали феодальным фамилиям.

Подробно описывает и в некоторых случаях проводит исследование семейного быта балкарского крестьянства, сравнивая его материальное положение до крестьянской реформы и после, Н. Ф. Грабовский, работавший в конце XIX в. в судебных органах Нальчика, Владикавказа и Прохладной. Статьи Е. З. Баранова и Н. Ф. Грабовского в общем весьма содержательны, но приводимые в них данные о больших семьях часто носят отрывочный характер, о чем приходится сожалеть, так как эти авторы были хорошо знакомы с жизнью балкарского народа и могли бы сообщить более подробные и систематические сведения о их общественном и семейном быте, если бы поставили перед собой такую задачу.

Ценный материал о существовании у балкарцев больших семей в конце XIX в. содержит работа Б. Далгата «Поездка к Чегемским ледникам (Центрального Кавказа)», опубликованная в 1896 г.²² Б. Далгат в своей работе приводит пример большой семьи, состоявшей из 50 человек, члены которой вели коллективное хозяйство и совместно владели движимым и недвижимым имуществом. Особое внимание автор уделил трудовому воспитанию детей в балкарских семьях. Он отметил, что балкарцы, придавая большое значение воспитанию подрастающего поколения, за исходный принцип системы воспитания брали трудовое воспитание.

Краткие сведения о большой семье у балкарцев мы находим у П. А. Гаврилова, С. Ф. Давидовича, М. З. Кипиани, В. Тепцова и П. Стеблинского²³.

В начале XX в. появилась статья Н. П. Тульчинского «Пять

²² Б. Далгат. Поездка к Чегемским ледникам (Центрального Кавказа). Владикавказ, 1896.

²³ П. А. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа.— ССокГ, вып. 2. Тифлис, 1889; С. Ф. Давидович. Восхождение на Эльбрус.— «Исторический вестник», 1887, т. 23; М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса (Путевые заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1884; В. Тепцов. По истокам Кубани и Терека.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК), вып. 14. Тифлис, 1892; П. Стеблинский. Путешествие в Балкарию.— Газ. ТВ, 1897, № 53.

горских обществ Кабарды»²⁴, наиболее полно отражающая все стороны жизни Балкарнии того времени. Ему же принадлежит ряд статей, посвященных земельным отношениям в Балкарнии, в которых попутно освещаются отдельные черты большой семьи²⁵, и опубликованных в газетах «Терские ведомости» и «Казбек». Опираясь на богатый конкретный материал, И. П. Тульчинский в своих работах дал подробную характеристику социально-экономического развития Балкарнии в пореформенный период, отметив при этом, что большие семьи в конце XIX — начале XX вв. бытуют в балкарских селениях.

Из иностранных путешественников и исследователей дореволюционную Балкарнию посетили Фрешфильд, Дент, Фишер, Лонгстаф, Мориц фон Дени, Мерцбахер и др. Наиболее важными для нас являются работы двух последних — Морица фон Дени «Кавказ. Путешествие и исследования в горах Центрального Кавказа» и Мерцбахера «Из высокогорных районов Кавказа»²⁶, содержащие конкретные сведения о семейном быте балкарцев.

В 1906 г. во Владикавказе была создана комиссия под руководством И. Г. Абрамова для исследования земельных отношений в Терской области²⁷. Члены этой комиссии провели огромную работу по изучению землепользования и земельных отношений в Балкарнии, по исследованию местных обычаев в семейной жизни балкарцев. В «Трудах комиссии...» отмечалось, что в Балкарнии «каждый двор составляет дворовую общину» и что во главе таких общин стоит «старший по летам»²⁸. Кроме того, в работе указывалось, что глава большой семьи единолично заведует всем семейным имуществом и что никто из членов семьи не имеет на него таких прав, как глава семьи, что, согласно обычному праву балкарцев, при продаже земли семьей родственники имеют преимущественное право на ее покупку.

Сведения о больших семьях у балкарцев, в частности, об их численном составе, но весьма ограниченные, встречаются в историческом очерке М. К. Абаева «Балкарния»²⁹.

²⁴ И. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды.— «Терский сборник», вып. 5. Владикавказ, 1903.

²⁵ И. П. Тульчинский. О поземельном вопросе Нагорной полосы Терской области.— Газ. ТВ, 1901, № 54—56; его же. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области.— Газ. «Казбек», 1899, № 488; его же. К земельному вопросу Нагорной полосы Терской области.— Газ. ТВ, 1901, № 41—43.

²⁶ Moriz von Decy. Kaukasus. Reisen und Forschungen im kaukasischen Hochgebirge. Berlin, 1905—1907. 3 Bänden; G. Merzbacher. Aus den Hochregionen des Kaukasus. Leipzig, 1901, 1 Band.

²⁷ «Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования в Нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908.

²⁸ «Труды комиссии...», стр. 39.

²⁹ М. К. Абаев. Балкарния. (Исторический очерк).— Ж. «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—17.

Относительно полную характеристику большой семьи у балкарцев дал В. Н. Кудашев в своем исследовании «Исторические сведения о кабардинском народе», вышедшем в Киеве в 1913 г. Балкарцам посвящена восьмая глава данного труда.

К работам изучаемого периода, частично затрагивающим вопросы большой семьи у балкарцев, можно отнести «Балкария и балкарцы» Б. А. Ланге и «В ущелье р. Баксана» М. А. Иванова³⁰.

Как видим, во многих дореволюционных работах только общается о бытовании больших семей у балкарцев в конце XIX — начале XX вв. и лишь в некоторых содержатся сведения о численном составе семей. Дореволюционная литература в основном написана чиновниками, административными лицами, путешественниками и другими, часто не знавшими языка народа, о котором писали; они не понимали его психологии, поверхностно были знакомы с его историей, при кратковременных посещениях фиксировали случайные явления, опираясь на субъективные сообщения таубиев-старшин.

Некоторое внимание дореволюционные авторы уделяли характеристике внутрисемейных отношений, в частности, власти главы семьи «юй таматы» и главы женской половины семьи «юй бийче», положению в семье женщины.

Несмотря на то, что дореволюционная литература не носит глубокого научно-исследовательского характера, ее ценность во многих случаях состоит в наличии фактического материала.

Первой работой советского периода по истории Балкарии является книга В. П. Христиановича «Из прошлого Кабарды и Балкарии», в которой он определенное место отводит семейному быту балкарцев до революции³¹. Автор обстоятельно описывает внутренние отношения членов большой семьи, подчеркивая, что характерной чертой больших семей у балкарцев являлась деспотическая власть главы семьи и старшей женщины в семье. Согласно его сведениям, большие семьи у балкарцев существовали и после Октябрьской революции. В. П. Христианович останавливается на разделах больших семей, отмечая, что они происходили по нормам обычного права.

Важным источником при изучении взаимоотношений членов больших семей в конце XIX в. является работа Е. О. Крикуновой «Документы по истории Балкарии»³².

Краткие замечания о больших семьях и патронимии у бал-

³⁰ Б. А. Ланге. Балкария и балкарцы. — Газ. «Кавказ», № 283, 287, 288, 294, 301; М. И. Иванов. В ущелье р. Баксана. — «Известия Кавказского отдела Императорского русского Географического общества» (далее ИКОРГО), 1902, т. 15, № 1.

³¹ В. П. Христианович. Из прошлого Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1922.

³² «Документы по истории Балкарии. 40—90-е гг. XIX в.». Составитель Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959.

карцев имеются в этнографических очерках «Народы Кавказа»³³ и в «Очерках общей этнографии»³⁴.

Интересные сведения по истории семьи, большой семьи, о семейно-брачных отношениях и патронимии даны в вышедшем в 1961 г. обобщающем труде по истории Балкарии³⁵.

Существенный вклад в разработку вопросов о большой семье и патронимии у балкарцев внес М. О. Косвен³⁶. Он дал наиболее ясное и полное представление о больших семьях у балкарцев по сравнению со своими предшественниками. Большие семьи у балкарцев, по его мнению, в изучаемый период находились в стадии распада. Остановливаясь на разделах больших семей у балкарцев, М. О. Косвен отмечает, что этот вопрос решался главой семьи единолично. Работы М. О. Косвена во многом помогли нам в данном исследовании и определили его направление.

Краткие сведения о большой семье и патронимии у балкарцев содержатся в «Истории Кабардино-Балкарской АССР»³⁷.

Главным руководством при написании главы о патронимии у балкарцев для нас служили указанные уже труды М. О. Косвена, которому принадлежит честь открытия патронимии на Кавказе и общая характеристика этой, выросшей в результате распада большой семьи родственной организации.

Большую помощь при изучении балкарской патронимии и теоретическом осмыслении соответствующего этнографического материала нам оказала рецензия В. К. Гарданова на кавказоведческую работу М. О. Косвена³⁸ и статьи, опубликованные в журнале «Советская этнография» в связи с дискуссией, развернувшейся по поводу круга вопросов, поднятых в статье М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»³⁹.

При написании книги автор использовал архивные документы и данные полевых этнографических исследований. В Цен-

³³ *Н. Ф. Такоева*. Балкарцы.— В кн.: «Народы Кавказа», т. 1 (серия «Народы мира». Этнографические очерки). М., 1960.

³⁴ «Очерки общей этнографии. (Азиатская часть СССР)», вып. 3. М., 1960, стр. 39.

³⁵ «Очерки истории балкарского народа (с древнейших времен до 1917 г.)». Нальчик, 1961.

³⁶ *М. О. Косвен*. Этнография и история Кавказа. М., 1961; *его же*. Семейная община и патронимия. М., 1963.

³⁷ «История Кабардино-Балкарской АССР (с древнейших времен до наших дней)», т. 1. М., 1967.

³⁸ *В. К. Гарданов*. Ценный труд по кавказоведению (М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961).— «Советская этнография» (далее СЭ), 1962, № 4.

³⁹ СЭ, 1967, № 6; см. также: *Н. А. Бутинов*. Община, семья, род.— СЭ, 1968, № 2; *А. И. Робакидзе*. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа.— СЭ, 1968, № 5; *А. И. Першиц*. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности.— СЭ, 1970, № 2; *Д. Д. Тумаркин*. К вопросу о сущности рода.— СЭ, 1970, № 5 и др.

тральном государственном архиве КБАССР изучены материалы таких фондов: 1) Управление Кабардинского округа, ф. 2; 2) Управление Балкарского участка, ф. 31; 3) Нальчикский горский словесный суд, ф. 22; 4) Кабардинский окружной суд, ф. 24; 5) Управление начальника центра Кавказской линии, ф. 16.

Во втором фонде — Управление Кабардинского округа — сохранены дела, отражающие законы обычного права балкарцев в конце XIX в., имеются сведения о численности балкарского населения вообще и конкретно о числе дворов в каждом из обществ, содержится много документов, составленных во время решения таких вопросов, как раздел общесемейного имущества, примирение враждующих сторон, вопросы, касающиеся прав женщин по обычному праву балкарцев. Встречаются документы, показывающие экономическое состояние балкарцев в изучаемый период.

В фонде 31 — Управление Балкарского участка — выявлены документы, касающиеся вопросов имущества и имущественных взаимоотношений между членами семьи, между таубиями и представителями крестьянских сословий; многие документы убедительно отражают общественную структуру балкарского общества, классовую борьбу между таубиями и крестьянами. В этом сравнительно небольшом фонде имеются сведения по семейному и обычному праву балкарцев, о разделах наследства, земельных спорах.

Документы фонда 22 дают возможность ознакомиться с некоторыми народными обычаями балкарцев в конце XIX — начале XX вв.

В фонде 24 — Кабардинский окружной суд — представлены материалы о семейных отношениях и обычном праве балкарцев. На основе изучения дел этого фонда выясняется вопрос о соответствии адата и шарната в решении многих судебных дел.

В фонде 16 имеются документы, отражающие различные вопросы истории и этнографии дореволюционной Балкарии, как-то: материалы о семейных отношениях балкарцев, семейных разделах, наследовании, калыме, имущественных правах балкарских женщин.

На основании отчетов, протоколов и докладов административных лиц, чиновников, членов сословно-поземельной комиссии, содержащихся в делах фонда 40, можно сделать некоторые выводы относительно землепользования в Балкарии, существования родовых обычаев, связанных с покупкой и продажей земли, о существовании здесь с давних времен частной собственности на землю.

Ценный конкретный материал по большой семье балкарцев хранится в ЦГА СОАССР в фонде «Комиссия по землеустройству населения Нагорной полосы Терской и Кубанской

областей» (ф. 270). В этом фонде содержатся посемейные списки Хуламо-Безенгиевского и Чегемского обществ, на основе которых можно составить точное представление о поколенном составе и численности большой семьи в названных обществах, а также определить удельный вес больших семей в Балкарии.

При сборе полевого этнографического материала автор опросил около 500 информаторов в возрасте от 70 до 100 лет во всех селениях Балкарии. Опрос велся как по определенной программе, так и в форме свободной индивидуальной или коллективной беседы. Достоверность полученной информации проверялась путем сопоставления данных, полученных от различных лиц, а также путем сопоставления этой информации с литературными и архивными источниками.

Полевой этнографический материал, находящийся в настоящее время частью в архиве Института этнографии АН СССР, личном архиве автора и опубликованный в научных сборниках и местной прессе, состоит из сообщений информаторов, родословных схем отдельных фамилий, схем членов больших семей, патронимий, описаний сохранившихся до наших дней в некоторых покинутых ныне селениях Балкарии поквартальных родственных застроек, родственных кладбищенских участков, фамильных кладбищ. Автором восстанавливались названия ныне заброшенных аулов, изучались полуразрушенные жилища, выяснялись фамилии живших когда-то там семей, принадлежавшие им пахотные и сенокосные участки и их названия.

Собранный автором полевой материал дополняется сведениями учителей средних сельских школ и местных жителей, интересующихся прошлым своего народа.

В качестве сравнительных в работе привлекаются материалы по большой семье и патронимии в основном у других народов Северного Кавказа. Они в значительной степени помогают выявить специфические особенности большой семьи и патронимии у балкарцев.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ И ЕЕ РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ В БАЛКАРИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX вв.

Опираясь на определение большой семьи, данное советским ученым-этнографом М. О. Косвен⁴⁰, согласно которому она представляет собой общественно-хозяйственный коллектив, основанный на постоянном единстве его членов, общесемейной собственности, коллективном производстве и потреблении, опре-

⁴⁰ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 6.

деленной форме управления, используя литературный материал, архивные документы и данные полевых этнографических исследований, попытаемся раскрыть характерные особенности большой семьи у балкарцев и ее распространенность. До сих пор вопрос об удельном весе больших семей у балкарцев в конце XIX — начале XX вв. не исследовался никем, если не считать нескольких работ, в которых бездоказательно утверждается, что в Балкарии этого периода малая семья преобладала над большой. Между тем, решение этого вопроса очень важно при изучении истории и этнографии народа.

В начале XX в. специально созданной во Владикавказе «комиссией по землеустройству населения Нагорной полосы Терской и Кубанской областей»⁴¹ были составлены подробные посемейные списки жителей всех ущелий Балкарии, предназначенные для выяснения реального положения наличия земли и численности населения в данном районе области с целью, очевидно, принятия соответствующих мер. Составление этих списков объясняется, по всей видимости, и тем, что большие семьи представляли собой хозяйственные податные единицы, которые должны были находиться на учете административных властей. До нас дошли лишь некоторые из этих списков, на основании которых мы попытались выявить удельный вес больших семей в Балкарии в начале XX в. В «Посемейных списках Чегемского общества Нальчикского округа» сохранились сведения о составе семейств в десяти поселках: 1) в пос. Тузулгу проживало пять семей, из которых большими были только две; 2) в пос. Быкмылги из 23 семей больших было семь; 3) в пос. Жура (Жора.— А. М.) из 5 — четыре; 4) в пос. Гедурги из 27 — четырнадцать; 5) в пос. Актопрак из 18 — шесть; 6) в пос. Бетурги из 12 — пять; 7) в пос. Бопу из 8 — две; 8) в пос. Кекташ из 31 — пятнадцать; 9) в пос. Тызги из 10 — пять; 10) в пос. Булунгу — из 86 семей — 44 большие⁴².

Из подсчета выяснилось, что в этих 10 поселках в среднем 36,5% составляли семьи, которые по своей структуре могут быть отнесены к большим.

В Хуламском обществе в 1906 г. в шести населенных пунктах (Усхур, Озень, Тотур, Нальчик-Баши, Жабоево, Хулам) было 409 семей, из которых 173 являлись большими, что составляло 42,2% от всех семейных коллективов, проживавших в данном ущелье.

К сожалению, по другим обществам (ущельям) Балкарии таких списков в архиве не сохранилось, и мы вынуждены были произвести аналогичные подсчеты на основании собранного нами полевого материала.

⁴¹ ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 8.

⁴² Там же, д. 12.

По словам информатора А. Глашева (1888 года рождения; далее — г. р.) из сел. Верхняя Балкария, в пос. Глашевском (Балкарское ущелье) к 1905 г. из всех семей около половины оставались большими. В пос. Заракшы (этого же ущелья), состоявшем из 15 дворов, было 6 больших семей⁴³. Б. Гасиев, Х. Геляев, А. Мусуков и Ж. Мусукова рассказывают, что на 30 с лишним дворов сел. Мукуш приходилось 13—14 больших семей, на 65—67 дворов пос. Зылгы — 30—33, на 27—28 дворов Нижнего Шаурдата и такого же количества дворов Верхнего Чегета — по 10—11 больших семей. Жительница сел. Верхняя Жемтала З. Гузеева вспоминает следующее: «Мне было около 20 лет, когда наша семья жила в Сауту. Сейчас трудно сказать точно, сколько «уллу юй» насчитывалось в поселке, но их было большинство. Как сейчас, помню большие семьи Нану Цакоева, Карамурзы Темиржанова, Тенгиза Корчаева, Али Байсиева, Чопе Мисирова. Такой же была и наша семья — Локмана Гумаева».

По сообщению информатора Р. Байдаева (1887 г. р., Баксанское ущелье), в пос. Байдаевском, насчитывавшем 17 дворов, в интересующее нас время существовало 7 больших семей. Х. Эльмесов (1900 г. р.) и Т. Кочкаров (1862 г. р.) — оба из Терскола — рассказали, что в однофамильных поселках Чилмаз (здесь жили Байзуллаевы), состоявшем из 36—37 дворов, и Кылды (пос. Жаппуевых), включавшем 30—32 двора, было в первом 17 и во втором 14—15 больших семей. Эти два поселка, считавшиеся однофамильными, по всей вероятности, к этому времени уже были заселены и неродственными семьями.

В Верхнем Баксане, состоявшем из ста с лишним дворов, примерно 40 представляли большесемейные коллективы⁴⁴.

В Тегенекли из 16—17 дворов и Гижгите из 15—16 дворов большесемейных было 8—10. 50% больших семей насчитывалось в Верхнем и Нижнем Камыке, 35—36% — в Кыртыке и Кызылкезе, значительно меньше — в Тютю-Су.

Известны полевые этнографические данные и по некоторым поселкам Чегемского ущелья:

Поселок	К-во дворов	К-во больших семей
Кочкарташ	20—21	8—10
Кам	20—21	7—8
Сосулар	10	5
Орсундак	45—50	20—22
Иличири	4	4

⁴³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 109.

⁴⁴ Информатор Габа Гулиев (1886 г. р., сел. В. Баксан).

Таким образом, сопоставляя архивный и полевой материалы, мы можем сделать вывод, что большие семьи у балкарцев в данный период составляли около 39% общего числа всех семей.

Цифры, касающиеся удельного веса больших семей, а также небольшой численный и поколенный состав этих семей свидетельствуют о том, что данная общественная организация претерпевала постепенный упадок и разложение. На первый взгляд может показаться несколько противоречивым утверждение автора, что большие семьи сохраняются в классовом обществе как пережитки патриархально-родового строя и что в то же время в конце XIX — начале XX вв. они составляют около 39% всех семей. А объясняется это тем, что большая семья данного периода во многом уже не та, которая была присуща первобытно-общинной эпохе, хотя, собственно говоря, она — ее порождение, там начиналась ее история. Пройдя основные стадии своего развития и растеряв многие первоначальные качества, большая семья в конце прошлого столетия находилась уже в состоянии распада, в периоде перехода к малой патриархальной семье. Эти вопросы получили убедительное освещение в работах С. А. Егназарова и М. В. Довнар-Запольского. С. А. Егназаров в своем труде «Исследования по истории учреждений в Закавказье» семьи у закавказских народов подразделяет на большие, средние и малые, под первыми подразумевая большие патриархальные семьи, представлявшие уже исключение, под средними — большие семьи отцовского типа, те, о которых идет речь в нашей работе, и, наконец, малые патриархальные. В конце XIX в. во многих районах Белоруссии аналогичную картину обнаруживает М. В. Довнар-Запольский, который пишет, что «семейная община представляет собою отживающий тип и нормальным типом семейной организации мы должны признать большую семью, в свою очередь, стремящуюся перейти в малую...». Эти работы были написаны первая в конце XIX в., вторая в начале XX. Поэтому приходится удивляться, что в работах, написанных в наше время, путаются такие категории, как семейная община и большая семья, характеризующие разные этапы существования семьи.

Говоря о большой семье отцовского типа, нужно отметить, что социально-экономическое развитие общества, жизнь людей, их интересы и потребности — все это содействовало существованию данного типа семьи. Абсолютно решить вопрос об удельном весе больших семей в Балкарии исследуемого времени невозможно, даже если взять конкретно один какой-то год. Быстрая изменчивость структуры семейных коллективов — разделы, разрастание малых семей, переселение отдельных брачных пар в другие селения или ущелья, болезни, стихийные бедствия и другие объективные и субъективные причины прак-

тически постоянно меняли картину процентного соотношения форм семьи.

Как видно, все же развивавшиеся капиталистические отношения в конце XIX — начале XX вв. внесли значительные изменения в общественный и семейный быт балкарцев. Основной формой семьи Балкарии стала малая семья — «ууакъ юйюр», состоявшая из 7—8 человек⁴⁵ и включавшая в себя два поколения. В этот период, как свидетельствуют литературные источники и полевой этнографический материал, здесь происходит резкое увеличение разделов больших семей⁴⁶, явно снижается их удельный вес. Проникновение в Балкарию товарно-денежных отношений, развитие торговли и некоторых видов ремесла разрушают натуральное хозяйство, тем самым расчищая почву для внедрения частнособственнических элементов в больших семьях и обособления малых семей, а затем их отделения.

Однако на пути к окончательному разделу больших семей стоял ряд преград, главной из которых была экономическая слабость отделяющихся малых семей. В связи с этим в Балкарии нередко наблюдалось, что после раздела большой семьи малые семьи женатых сыновей в течение нескольких лет продолжали жить в одном дворе, ведя совместное хозяйство до тех пор, пока экономические возможности семьи не позволяли им произвести реальный раздел. Так, по данным полевого этнографического материала, во многих селениях были дворы, где жили 4—5 семейств, формально проведших раздел большой семьи⁴⁷. Основательной причиной консервации больших семей было сопротивление крестьянского хозяйства, основанного на натуральном хозяйстве, наступающим на него новым социально-экономическим условиям. Не последнюю роль в существовании большесемейных коллективов в Балкарии играла подворная налоговая система. После раздела большой семьи каждая из вновь возникших малых семей, если она образовала отдельную усадьбу (двор), должна была платить такой же налог, какой приходился на всю большую семью до ее раздела. Это оказывалось не под силу малым семьям. Все это вместе с экономической отсталостью Балкарии, натуральным характером производства, спецификой ведения балкарцами своего хозяйства, требующего немалой экономической мощности семейного коллектива для обеспечения нормального функционирования крестьянского хозяйства, содействовало сохранению больших семей. Но были и другие причины — это пре-

⁴⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 24, 35, 36, 76, 100, 104, 110.

⁴⁶ См.: Н. П. Тульчинский. Материалы для изучения и решения земельного вопроса в Нагорной полосе Терской области.— Газ. «Кавбек», Владикавказ, 1899, № 488; «Труды комиссии...», стр. 38.

⁴⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 33 об., 37, 55, 84.

пятствие разделам со стороны государственных властей и представителей господствующего класса феодалов — таубиев, для которых было невыгодным экономическое ослабление подвластных им крестьянских хозяйств. Стремление со стороны царской власти и таубиев искусственно задержать распад крестьянских больших семей вызывало создание различных административных ограничений для семейных разделов. При рассмотрении дел о разделах на сельских сборах принимались во внимание такие вопросы: «1) существует ли основательный повод для разделения семьи; 2) способны ли образующиеся семейства к самостоятельному ведению хозяйства; 3) достаточны ли принадлежащие им усадебные участки; 4) будет ли в случае допущения раздела обеспечено исправное поступление числящихся на семье недоимок и текущих окладов по податям, повинностям и другим казенным взысканиям»⁴⁸ (из документа «Положения о сельских (аульных) обществах, их общественных управлениях и повинностях государственных в горском населении Терской области»).

Если дело о разделе большой семьи разбиралось на сельском сходе общества или административными властями по требованию одного из сыновей, в выигрыше, как правило, оставался «юй тамата», на стороне которого было законодательство.

Таубии вопреки общему процессу распада больших семей создавали различные искусственные преграды, так как большие семейные коллективы, более сильные в экономическом отношении, легче справлялись с уплатой налогов и несением обязанностей по отношению к своему таубию.

По мнению наших информаторов, а также некоторых дореволюционных авторов, причины раздела больших семей часто заключались в неуживчивости женщин. В народе укоренилось такое представление, что ссоры между женщинами и их приданое являлись основными причинами разлада между братьями⁴⁹. «Если в доме несколько женщин, не могло быть ни мира, ни покоя», — говорит Я. Байсиев (1887 г. р., сел. Верхняя Балкария).

Основываясь на поверхностных наблюдениях внутренней жизни балкарских семей, Н. Тульчинский писал: «Причины интенсивности семейных разладов кроются в неуживчивости, раздорах и враждебных отношениях женщин в больших семьях»⁵⁰.

На самом же деле ссоры между женщинами могли быть лишь поводом к разделу больших семей. Основная причина крылась в усиливающемся товарном производстве, создавав-

⁴⁸ ЦГА СОАССР, ф. 11, оп. 5, д. 4288, л. 67.

⁴⁹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 39 об., 74, 86, 86 об., 89 об.

⁵⁰ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 2.

шем благоприятные условия для развития внутри больших семей частной собственности ее отдельных членов. «Разумеется, не в сварливости золовок причина разделов,— писал М. М. Ковалевский, ближе подойдя к решению данной проблемы,— она, в свою очередь, порождение вполне понятного стремления каждой малой семьи удержать в личном обладании продукты собственного труда»⁵¹. Истинные причины распада больших семей коренились в условиях общественно-исторического развития, в экономических отношениях балкарского общества. Процесс распада больших семей шел настолько интенсивно, что уже в 1884 г. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский отмечали: «... пройдет еще несколько десятилетий, и от этих семейных общин уцелеют лишь немногие, подобно тому, как это имело место в большинстве великорусских губерний»⁵².

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА СЕМЬИ ОТЦОВСКОГО ТИПА

В конце XIX в., в связи с отмеченными уже социально-экономическими причинами, происходит сокращение как численного, так и поколенного состава больших семей. По численности большие семьи этого периода нередко приближались к обычным семьям. Среднее число членов балкарской большой семьи в этот период составляло в большинстве ущелий 11—15 человек, причем количественный состав непосредственным образом отражался на поколенном составе больших семей. Так, по словам М. Гасиева из Верхней Балкарии и Ж. Мусуковой из Верхней Жемталы, каждая трех- или четырехпоколенная семья в Балкарском ущелье имела обычно 12—15 человек.

Сведения, аналогичные полученным в Балкарском ущелье, были зафиксированы нами в Баксанском и Чегемском ущельях.

В сел. Гунделен А. Жанатаев (1864 г. р.) помнит еще семьи Улаковых, Настуевых, Текуевых, Этезовых, Теппеевых и Мусукаевых, в каждую из которых входило 12—15 человек.

«Семья наша состояла из 15 человек. Во главе стоял отец»,— сообщил нам Н. Гулиев, житель сел. Верхний Баксан.

«Мы жили в поселке Терскол,— вспоминает Т. Кочкаров из пос. Терскол,— состоявшем из четырех дворов Кочкаровых, где в двух из них насчитывалось по 16—17 человек».

«До раздела, который произошел в 1918 г.,— рассказывает А. Тапасханов (1884 г. р., сел. Булунпу, Чегемское ущелье),—

⁵¹ М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 1 М., 1886, стр. 103.

⁵² В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 582.

наша семья в количестве 16 человек жила в одном дворе и вела общее хозяйство».

Несколько иной оказалась картина в Хуламо-Безенгийском ущелье. В этом, до революции наиболее глухом и изолированном ущелье Балкарии, по сведениям наших информаторов, численный состав многопоколенных семей достигал нередко 20—25 человек. Такой же состав имели большие семьи в сел. Хулам и поселках Жабоевский и Шики; что касается сел. Безенги, то здесь численность в больших семьях была такой же, как и в других ущельях Балкарии, составляя в среднем 12—15 человек.

Лишь как исключение в Балкарии дореволюционного периода встречались семьи с большей численностью. Первое такое высказывание принадлежит С. Ф. Давидовичу, утверждавшему, что в Балкарии существуют семьи в семьдесят человек (С. Ф. Давидович. Восхождение на Эльбрус.— «Исторический вестник», СПб., 1887, т. 28, стр. 350). Б. Далгат, посетивший в 1896 г. Чегемское ущелье, отмечал, что у чегемцев «до сих пор одна фамилия в числе пятидесяти человек проживает в одном дворе и придерживается особого порядка жителя-бытья»⁵³. И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский, со слов баксанского таубия М. Урусбиева, писали о существовании в Хуламо-Безенгийском ущелье большой семьи, состоявшей из 183 человек⁵⁴.

Упомянутый нами А. Жанатаев сообщил, что помнит семью Таукана Настаева, которая состояла из 81 человека. По словам Т. Жабоева (1876 г. р., сел. Безенги), семья, в которой он жил, включала в свой состав 39 человек. Главой этой семьи был старший брат его отца — Гогуй. В начале XX в. в сел. Хулам жила многочисленная семья Эльбаевых, при разделе которой образовалось 8 новых семей⁵⁵. Согласно сообщению И. Сарбашева (1885 г. р., сел. Булунгу), семья Инала Жеттева, разделившаяся в 1902 г., до раздела состояла из семи брачных пар с их потомством.

В конце прошлого столетия большие семьи отцовского типа с таким же численным составом существовали в пережиточном состоянии и у других народов Кавказа⁵⁶.

⁵³ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 4.

⁵⁴ См.: И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 553.

⁵⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 55.

⁵⁶ Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев.— «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 24—25; *Ислам Карачайлы*. Быт горских народностей Юго-Востока. Ростов н/Д., 1924, стр. 11; А. Мусукаев, Х. Биджиев. Большие семьи в Карачае и Балкарии.— Газ. «Ленинское знамя» (на карачаевском языке), 1972, № 92; Б. А. Калоев. Агулы. (Историко-этнографический очерк).— «Кавказский этнографический сборник» (далее КЭС), ч. 3. М.—Л., 1962, стр. 94; *его же*. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М., 1971, стр. 206; Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы.— В кн.: «Народы Кавказа», т. 1. (серия «Народы мира»). Этнографи-

Эволюция большой семьи у балкарцев, на наш взгляд, протекала в направлении изменения характера имущественных отношений, выделения при этом индивидуальных малых семей и, кроме того, сокращения поколенного и численного состава больших семей при изменении внутрисемейных отношений. Для Балкарии конца XIX—начала XX вв. были характерны большие семьи отцовского типа, состоявшие в основном из трех-четырех поколений ближайших родственников. Важнейшими признаками этих семей были общесемейная форма собственности, коллективное производство и потребление, деспотизм власти главы семьи — «юй таматы». Такие семьи, как правило, состояли из родителей, женатых и неженатых сыновей, дочерей и возглавлялись обычно отцом. В состав больших семей могли входить отцы и дети, дяди и племянники, деды и внуки. Большие семьи отцовского типа у балкарцев сохраняли некоторые основные принципы классических патриархальных общин, заключавшиеся в присущих им коллективных началах. Хозяйственное единство балкарской семьи хорошо выражалось ее наименованием «уллу юй», что в точном переводе означает «большой дом». Представляя собой единый хозяйственный коллектив, большая семья выступала как обособленная семейно-родственная ячейка, совместно владевшая землей, скотом, орудиями производства, жилыми и хозяйственными постройками, а также разнообразным домашним имуществом.

Большие семьи возобновлялись из поколения в поколение, не прекращая своего существования. Подтверждением служат восстановленные нами родословные схемы некоторых фамилий. Так, в сел. Безенги Х. Шаваев (1896 г. р.) помнит историю своей фамилии до девятого поколения; А. Жанатаев и Ф. Эльжерукаева (1901 г. р.) из сел. Гунделен помнят первый родословную своей фамилии, вторая — фамилии Ботаевых также по девятое колено; К. Анаев (1882 г. р.) из сел. Безенги, С. Шахмурзаев (1886 г. р.) из сел. Булунгу и Г. Гулиев из сел. В. Баксан — по восьмое. В Центральном государственном архиве Северо-Осетинской АССР мы обнаружили родословную схему князей Суншевых, доходящую также до восьмого поколения⁵⁷. Приводим родословные схемы Жанатаевых, Анаевых, Шахмурзаевых, Гулиевых и Суншевых (см. ниже).

ческие очерки). М., 1960, стр. 182; М. М. Ихилов. Большая семья и патриархия у горских евреев.— СЭ, 1950, № 1; его же. Материалы по этнографии рутулов и цахур.— «Краткие сообщения Института этнографии» (далее КСИЭ), вып. 33. М., 1960, стр. 25; В. Дж. Итонишвили. Пережитки семейной общины в горной Ингушетии.— КЭС, Тбилиси, 1968, стр. 205; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. (Историко-этнографическое исследование). М., 1961, стр. 254; Я. С. Смирнова. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины.— КЭС, ч. 1. М., 1955, стр. 17.

⁵⁷ ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 24, л. 35.

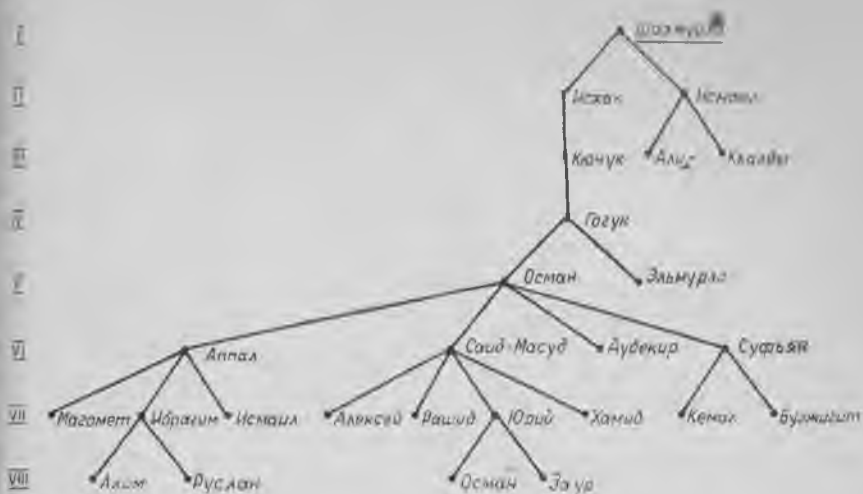

Схема. 3. Родословная Шахмурзаевых (информатор С. О. Шахмурзаев, 1886 г. р., сел. Верхний Чегем)

Права и обязанности членов семейных коллективов исходили из фактора родства, являвшегося отражением существовавших общественных отношений. Только изучив категорию родства, мы можем правильно понять правовые взаимоотношения и обязанности между определенным кругом родственников. Родство, по обычному праву балкарцев, являлось основным препятствием к заключению брака. Брак у балкарцев запрещался между родственниками как по прямой, так и по боковой линиям, между кровными и некровными родственниками, между полнокровными и неполнокровными братьями и сестрами⁵⁸. Запрет этот основывался на биологических и нравственных соображениях. Исключительно большое внимание родственным связям уделялось при определении круга наследников.

У балкарцев известно родство по прямой линии, т. е. когда происхождение одного лица непосредственно связано с другим, как, например: прадед, дед, отец и сын связаны прямой линией родства. При боковой линии родства все члены семьи считают себя потомками одного предка. Кровное родство предполагало наличие родственной связи по отцу, единоутробное — по матери, «молочное родство» было связано с кормлением ребенка.

Большие семьи конца XIX — начала XX вв. при определенных условиях могли превращаться в семьи с некоторыми демократическими элементами. В частности, такой факт мог

⁵⁸ У балкарцев и у других народов, на развитие которых оказала влияние мусульманская религия, немалое значение при определении родственных отношений имело «молочное родство».

произойти в случае смерти «юй таматы» — отца. Главой семьи «бир юйюр» — «братья, живущие вместе», сохранившей единство после смерти отца, становился старший брат, пользовавшийся в семье, как и отец, большим авторитетом. Примером может служить большая семья А. Тапасханова, состоявшая из трех поколений: родителей, их детей с женами и внуков. Главой этой семьи был старший брат нашего информатора. Семья Тапасхановых просуществовала до 1922 г.

В пос. Бопу жила семья Каита Тохаева из 25 человек. Общим домохозяйством владели шестеро братьев со своими семьями, т. е. кровные родственники, потомки общего предка. Счет родства велся членами семьи по мужской линии. Родословная этой семьи была восстановлена на основании «Посемейных списков и опросных Чегемского общества Нальчикского округа» за 1905—1906 гг.⁵⁹

Большая семья Тенгиза Муратчаева из пос. Жора также представляла собой пример совместного проживания семей двух братьев, во главе которой стоял старший брат⁶⁰.

Наш полевой этнографический материал показывает, что большие семьи у балкарцев чаще всего состояли из одной ветви родственников по нисходящей линии. В состав таких семей входили: родители, их сыновья, незамужние дочери, внуки и правнуки. Большие семьи у балкарцев отражали стадию распада больших семей. Изменение численности больших семей было связано с изменением их структуры. Семьи отцовского типа, являвшиеся носителями родовых начал в классовом обществе, также представляли собой союз кровных родственников. Отцовский тип семьи, по мнению М. О. Косвена, есть «результат классового перерождения данной формы в особых, классовых условиях, следовательно, тип, с точки зрения общественно-исторической, ... далеко не первобытный, а позднейший»⁶¹.

Этнографические данные о существовании в конце XIX — начале XX вв. в пережиточном виде конкретных форм большой семьи у балкарцев находят свое отражение в ряде, как уже отмечалось, письменных источников, таких, как литературный материал и архивные документы, отражающие состояние больших семей и отдельные стороны их быта в изучаемый период. Приведем несколько примеров больших семей из посемейных списков, составленных в 1905—1906 гг. в Балкарнии «комиссией по землеустройству населения Нагорной полосы Терской и Кубанской областей»⁶².

⁵⁹ ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 8, л. 37 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 68.

⁶² ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, дд. 7, 8, 12.

Поселок Гедурги

Шаваев Сулейман Чугукович	— 70 л.
Сыновья его: Мусса	— 40 л.
Беслан	— 30 л.
Сыновья Муссы: Паша	— 10 л.
Мухамет	— 4 г.
Сыновья Беслана: Ибрагим	— 3 г.
Исмаил	— 1 г.

В семье было 4 женщины ⁶³.

Поселок Тотур

Бабаев Ислам Бабаевич	— 84 г.
Сыновья его: Копай	— 47 л.
Науруз	— 39 л.
Азнаур	— 37 л.
Таукан	— 33 г.
Внуки Ислама: Арсен	— 29 л.
Шаухал	— 22 г.
Хизир	— 13 л.
Тану	— 12 л.
Жунус	— 5 л.
Назир	— 3 г.
Ахмат	— 14 л.
Махмуд	— 10 л.
Нури	— 13 л.
Кайтмурза	— 8 л.
Баймурза	— 5 л.

В семье было 14 женщин ⁶⁴.

Поселок Быкмылги

Кудаев Аролак Кудаевич	— 60 л.
Сыновья его: Шаухал	— 39 л.
Бахар	— 28 л.
Жарадонат	— 20 л.
Хасан	— 16 л.
Сыновья Шаухала: Хизыр	— 3 г.
Исмаил	— 1 г.

В семье было 3 женщины ⁶⁵.

⁶³ ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 8, л. 67 об.

⁶⁴ Там же, д. 12, л. 84 об.

⁶⁵ Там же, д. 8, л. 90 об.

Как видно, вышеперечисленные большие семьи состояли из родителей (отец и мать), детей (женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери) и внуков. По всей вероятности, сюда входили и овдовевшие дочери.

Данные, показывающие существование формы семьи, при которой совместно жили три поколения ближайших родственников по нисходящим и боковым линиям, подтверждаются полевым этнографическим материалом.

Семья Кунья Мусукаева включала в свой состав 17 человек. В нее входили дед, бабка нашего информатора, его родители, имевшие пятерых детей, двое дядей — братьев отца информатора, которые были также женаты и имели своих детей⁶⁶.

В Хуламо-Безенгийском ущелье, со слов Т. Жабоева, нам удалось восстановить подробный перечень большой семьи Гогуя Жабоева. Этот список дает возможность нагляднее представить состав семейного коллектива. Большая семья Гогуя Жабоева состояла из малых индивидуальных семей пяти братьев, которые после смерти отца остались жить совместно с матерью в одном дворе. Семью «юй таматы» Гогуя представляли семь человек: жена, трое сыновей — Кубай, Чепай, Маил и две дочери — Санай и Дуге. У Оразая, отца нашего информатора, было три дочери — Тана, Гысту, Хаши и сын Гогуй. В семью следующего по возрасту брата Жашу входили восемь человек: жена, шестеро сыновей — Баксануко, Кайтмурза, Карачик, Индрис, Хажет, Батал и одна дочь — Мухур. Самой большой по количеству членов была семья Карая: сыновья — Кайсын, Жюнюс, Хайип, Абу, Якуб, дочери — Гонай, Жумук, Аби, Батта, Забитхан. И у самого младшего брата Киту было четыре сына — Акуш, Магомет, Узей, Алангери и пять дочерей — Налмаз, Налдюз, Балду, Фырдауз и Марьям. Раздел семьи произошел в 1882 г. Образовалось пять новых семей. Члены большой семьи Гогуя Жабоева, соединенные кровным родством, до раздела сохраняли территориальное и хозяйственное единство, слагавшееся, как будет показано дальше, из общности имущества, производства и потребления.

Семья Бийбо Байдаева из однофамильного поселка Кой-сюрген (сейчас пос. Байдаевский) состояла из 15 человек. В нее входили: глава семьи Бийбо, его родной брат, их жены, женатые сыновья, внуки. Разделилась семья после Октябрьской революции. Трехпоколенной в этом поселке была также большая семья Арыка Байдаева, двоюродного брата отца Бийбо.

Нам удалось восстановить аналогичные схемы мужского поколения членов большой семьи Гёрге, Шонтука и Чокая Жа-

⁶⁶ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 16.

I

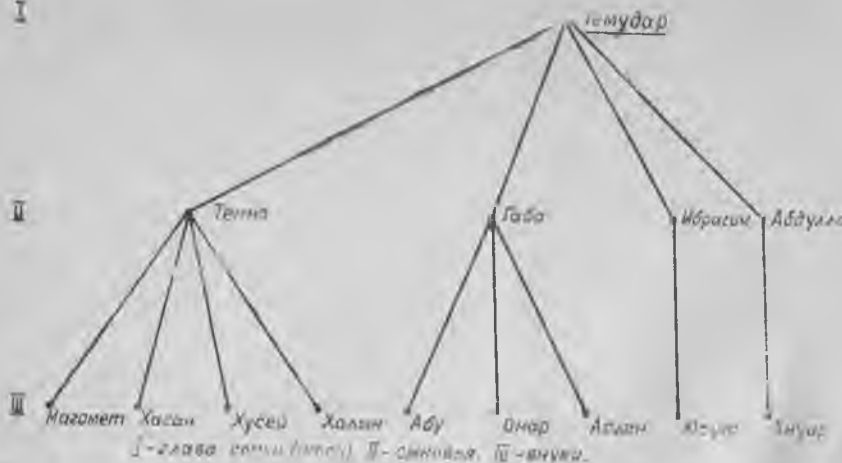

Схема 6. Состав мужского поколения большой семьи Темудара Гулиева (информатор Г. Т. Гулиев, 1886 г. р., сел. Верхний Баксан)

натаевых из сел. Гунделен, Науруза Атмурзаева из этого же селения, Чортая Шаваева и Иналука Чочаева из сел. Безенги, Темудара Гулиева из сел. Верхний Баксан (см. схему 6) и других.

Четырехпоколенные семьи встречались еще в конце прошлого столетия в сел. Хулам, пос. Жабоевском и сел. Шики. По сообщению жителя сел. Безенги Ю. Чочаева (1886 г. р.), жившего до 1944 г. в сел. Хулам, одними из самых больших в их селении по количеству и поколенному составу были большие семьи братьев Чочаевых — Иссы и Бийбо. В них соответственно входили сыновья Иссы и Бийбо, их внуки и правнуки. Семья Иссы состояла из 27 человек, а семья Бийбо — из 29. Имен женщин информатор не помнит (см. схемы 7 и 8).

Х. Аттоев (1904 г. р.), из этого же селения, рассказал нам о четырехпоколенной семье Гекки Аттоева, которая состояла из главы семьи Гекки — прадеда, его жены, троих женатых сыновей, семерых внуков и семерых правнуков. Всего 26 человек.

Большие семьи у балкарцев делились, как правило, в третьем поколении. В результате образовывались двухпоколенные, а если были живы родители или один из них, то и трехпоколенная, семьи.

Так, семья Иссы Гасиева, из Верхней Балкарии, во главе со старшим братом, состоявшая из 31 человека, разделилась в 1920 г. на пять малых семей — по числу братьев старшего поколения. Пятеро братьев — Исса, Мусса, Батырбек, Аслан и Батал, получив свою долю наследства, поселились со своими

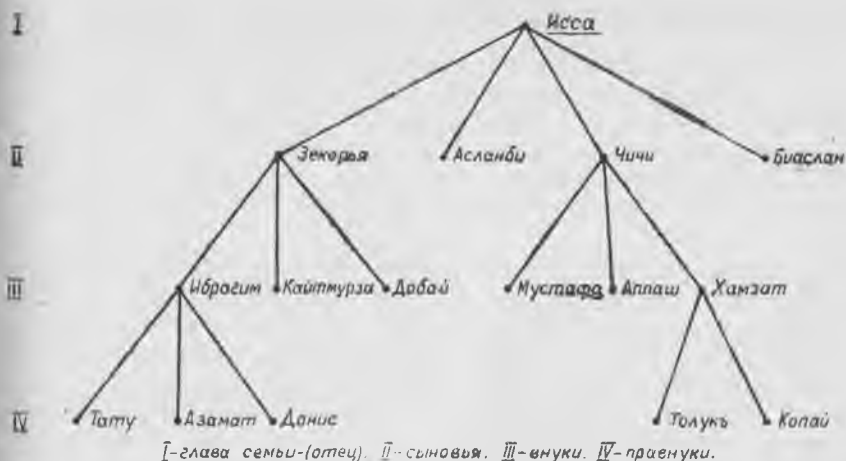

Схема 7. Состав мужского поколения большой семьи Иссы Чочаева (информатор Ю. И. Чочаев, 1886 г. р., сел. Безенги)

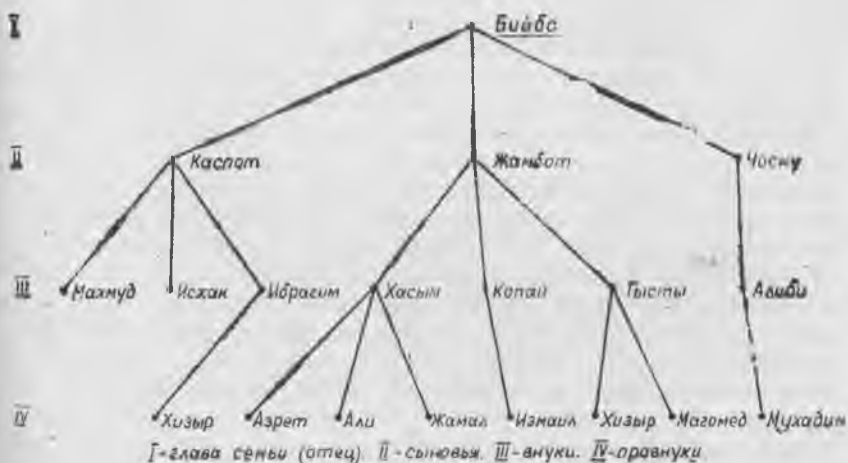

Схема 8. Состав мужского поколения большой семьи Бийбо Чочаева (информатор Ю. И. Чочаев, 1886 г. р., сел. Безенги)

женами и детьми отдельно. Таким образом, после раздела большой трехпоколенной семьи образовалось пять малых.

Семья Чокая Жанатаева, из Гунделена, разделилась в 1914 г. на шесть семей — одну трехпоколенную и пять малых двухпоколенных. Родители остались жить в семье Ногая — их младшего сына.

По словам Ш. Атмурзаева (1888 г. р.), из сел. Гунделен, большая трехпоколенная семья Науруза Атмурзаева раздели-

лась после смерти отца в 1913 г. на две малые двухпоколенные.

Г. Гулиев, из Верхнего Баксана, вспоминает: «Наша семья разделилась еще до революции. Мы, четверо братьев — Темо, Ибрагим, Абдулла и я, получили каждый свою долю. Отец и мать остались жить в «уллу юй» с младшим братом Абдуллой». В результате раздела, как видим, образовались четыре новые семьи — одна трехпоколенная и три малые двухпоколенные.

Большой интерес в этом отношении представляет история рода Жанатаевых. Первый раздел Жанатаевых произошел примерно в середине 70-х годов XIX в. в сел. Булунгу Чегемского ущелья. Отделившись к 1914 г. превратились в несколько многочисленных многопоколенных больших семей, главой одной из которых стал Жанатай, сын Болата, принимавшего участие в разделе и по причине старости вскоре передавшего власть в семье старшему сыну. Третье поколение было представлено сыновьями Жанатая, т. е. внуками Болата. Вновь разросшаяся большая семья Жанатая распалась на две дочерние: в одну вошли прадед, дед, родители и два старших сына со своими семьями, в другую — два других сына Жанатая со своими семьями, которые после раздела переселились в Баксанское ущелье, в сел. Гунделен. Большая семья во главе с Жанатаем, оставшаяся в Чегемском ущелье, как и прежде, представляла собой четырехпоколенную форму семьи, а семья, переселившаяся в Баксанское ущелье, была уже двухпоколенной. Первая семья была представлена боковой линией с третьего поколения, вторая же характеризовалась только прямой нисходящей линией. К 90-м годам XIX в. семьи двух братьев — Гёрге и Чокая (во главе со старшим из них — Гёрге), переселившиеся в Баксанское ущелье, разрослись, что послужило причиной к новому разделу. Теперь эта большая семья распалась на две большие трехпоколенные. Последний раздел Жанатаевых, как уже отмечалось выше, произошел в 1914 г.

Большое распространение в конце XIX — начале XX вв. в Балкарии получили двухпоколенные семьи. В состав двухпоколенных семей обычно входили отцы и дети, дяди и племянники, встречались семьи, состоявшие из дядей и племянников. В качестве примера приведем из «Посемейных списков и опросных Чегемского общества Нальчикского округа» за 1905—1906 гг. большую семью Каита Тохаева⁶⁷, жившего в пос. Бопу (см. схему 9). Эта семья из шести женатых братьев с детьми представляла собой двухпоколенную форму семьи. Руководил ею старший брат Каит.

По словам Р. Байдаева, в пос. Байдаевском существовала

⁶⁷ ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 8, л. 37 об.

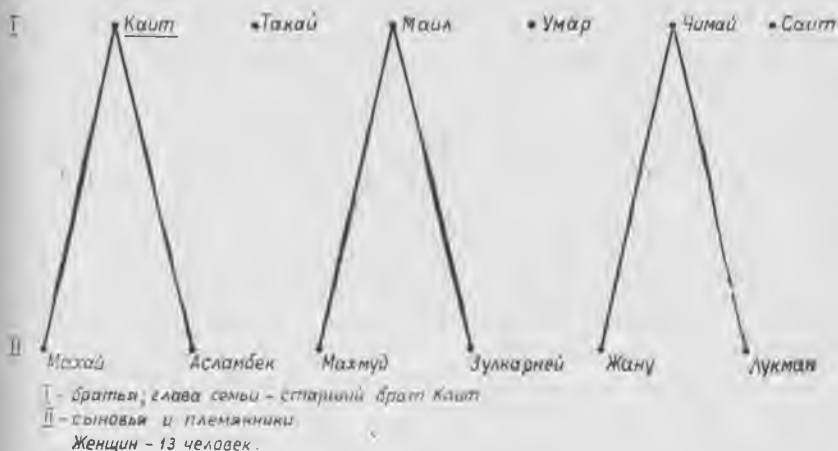

Схема 9. Состав мужского поколения большой семьи Кайта Тохаева из пос. Бопу (ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 8, л. 37 об.)

аналогичного типа большая семья Зекерьи Байдаева, в составе которой жили четыре брата со своими семьями. В сел. Гунделен такой же была семья Гергека Азмурзаева, в пос. Жора — семья Тенгиза Мурачаева, в пос. Быкмылги — семья Таусо Кудаева.

Таким образом, мы видим, что в Балкарии изучаемого периода существовали двух-, трех-, а иногда и четырехпоколенные большие семьи. Однако в результате развития капиталистических отношений большие семьи подвергались интенсивному распаду, сокращаясь в численном и поколенном составе.

Чтобы лучше понять характер и специфику большой семьи у балкарцев, необходимо выяснить вопрос об управлении в семье и исследовать трудовые традиции народа. Главными определителями во взаимоотношениях между членами большой семьи у балкарцев являлись исчезающие патриархальные традиции и развивающиеся капиталистические отношения. Характерной чертой больших семей у балкарцев в конце XIX — начале XX вв. был деспотизм главы семьи, что свидетельствовало о потере ими такого важного архаического признака, как демократизм внутренних отношений. Особое значение в этом сыграли, на наш взгляд, нормы шариата, по которым «кюй тамата» — отец, считаясь главой семьи, пользовался неограниченной властью над членами семьи.

Так как большие семьи у балкарцев состояли из двух-трех поколений родственников и по численности не превышали 11—15 человек, в таких семьях, приближавшихся по своему составу к индивидуальным семьям, естественно, главой семьи был

всегда отец. Управление большой семьей, выступавшей носительницей родовых пережитков в классовом обществе, находилось в руках старшего в доме мужчины. В газете «Казбек» за 1899 г. читаем относительно балкарцев: «...каждый двор живет самостоятельной жизнью и управляется старшим в доме»⁶⁸.

В случае неспособности главы семьи управлять семьей власть переходила к его старшему сыну. После смерти «юй таматы» власть в семье также механически наследовалась старшим сыном или братом умершего. Преимущество в этом вопросе было на стороне старшего, так как главой семьи мог быть всегда только старший по возрасту. «По рассказам моего отца, «юй тамата» никогда не избирался, им всегда в доме был отец», — вспоминает З. Улаков (1919 г. р.) из сел. Гунделен.

По обычному праву балкарцев, когда умирал «юй тамата», при отсутствии взрослых мужчин в семье руководство брала в свои руки «юй бийче» — жена умершего главы семьи, и эта власть сохранялась до совершеннолетия сыновей, к старшему из которых постепенно переходило руководство семьей.

Для Балкарки конца XIX — начала XX вв. характерны были в основном два типа больших семей, отличавшихся порядком внутрисемейных отношений. Основное место занимал тип большой семьи с ярко выраженной деспотической властью «юй таматы». Для второго типа семьи был свойствен процесс ослабления и ограничения власти главы семьи и усиления прав отдельных ее членов. Такие семьи образовывались, как правило, после смерти главы семьи — отца и состояли из неразделенных братьев, обладавших равными правами. Главой семьи в этом случае становился по наследству старший сын умершего, который, однако, не мог уже единовластно, без согласия других братьев распоряжаться судьбой всех членов семьи и ее имуществом, как это делал его отец. М. О. Косвен писал: «Если большая семья сохраняется под главенством старшего брата, то характерным образом — только при условии восстановления ее арханческих демократических начал»⁶⁹. В случае разногласий любой из братьев мог потребовать выдела своей части общесемейного имущества и выйти со своей индивидуальной семьей из состава большой семьи. Это нередко и происходило, что делало такие большие семьи менее прочными, чем большие семьи, возглавлявшиеся отцом.

Хотелось бы несколько слов сказать о получившем распространение за последние годы в этнографической литературе термине «неразделенная семья», под которым понимают большую семью в период ее распада. На наш взгляд, это непра-

⁶⁸ Н. П. Тульчинский. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области. — Газ. «Казбек», Владикавказ, 1899, 1 июля (№ 489).

⁶⁹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 103.

вильно. Ведь «неразделенная семья», т. е. состоявшая из неразделенных братьев, не являлась в конце XIX — начале XX вв. основной формой семьи, а представляла собой как бы частный случай. Таких семей насчитывалось сравнительно меньше, чем тех, в которых главой был отец. Думается, что то же наблюдалось не только у балкарцев. Больше того, «неразделенная семья» являлась как бы временным явлением: любая неувязка в семье оказывалась поводом к разделу.

Внутренняя жизнь большой семьи, состоявшей из неразделенных братьев, регулировалась семейным советом: «юй тамата» выступал здесь, главным образом, как исполнитель его воли. Семейный совет в данном случае представлял законодательный орган семьи. В обязанности главы семьи — старшего брата входило, во-первых, регулирование ее хозяйственной и обрядовой жизнью и, во-вторых, представительство перед сельскими и административными властями. Его власть ограничивалась распределением работ между членами семьи и контролем за их выполнением. Если глава семьи — отец имел право производить, например, любые торговые операции, то глава семьи — старший брат мог позволить себе заниматься только мелкой торговлей, да и то чаще всего по договоренности с семейным советом. В случае несогласованных действий главы семьи — старшего брата, что встречалось крайне редко, его могли при общем требовании других братьев только остановить от исполнения данного решения, но ни в коем случае не сместить. Говоря о семье данного типа, можно отметить наличие здесь некоторых элементов демократизма. В подобного рода семьях, хотя и существовала власть главы семьи, она, как мы уже могли это видеть, контролировалась другими братьями, то есть семейным советом. Семейный совет большой балкарской семьи обычно состоял из мужчин старшего возраста. Так было в семьях братьев Карамырзы Темиржанова и Чопе Мисирова из Сауту, Жашау Мусукаева и «неразделенных семьях» Эльбаевых и Гыллыевых из Орсундака, где дети братьев не принимали участия в обсуждении семейных вопросов.

Семейный совет собирался, как правило, в день отдыха семьи. Председательствовал на собрании «юй тамата» — старший брат. Карательная власть его носила ограниченный характер и отличалась от власти главы отцовской семьи тем, что он мог подвергать наказанию лишь детей и женщин, в семье же отцовского типа власть главы семьи была беспредельной и наказание распространялось на всех членов семьи — сыновей, их жен и внуков. По словам нашего информатора З. Этезова (1876 г. р.), сел. Булунгу, «юй тамата» не только управлял хозяйством, но и «судил». «И в том случае, — рассказал информатор, — если главой семьи был не отец, а брат, или, предположим, дядя, он был многим ограничен». Когда же большой семьей руководил естественный глава, т. е. отец и дед, власть его

была деспотической⁷⁰. У балкарцев до наших дней сохранилась поговорка: «Тейри бла тамата бирди» — «Власть старшего равна власти бога». «Юй тамата» — отец получал право карательной власти как в силу занимаемой им должности, так и в силу отцовской власти. «Глава семьи мог наказать любого члена семьи: сноху, сына, внука. И ему никто не мог возразить», — сообщил Л. Бозиев (1889 г. р., сел. Верхняя Балкария).

Власть главы большой отцовской семьи над личностью члена своей семьи выражалась и в праве изгонять провинившегося из дому. Если, к примеру, один из сыновей совершал крупное преступление или каким-либо образом сильно провинился, «юй тамата» — отец выгонял его из дому на суд обществу.

Хотя деспотическая власть главы семьи — отца представляла собой характерное явление для большой семьи, она в конце XIX — начале XX вв. не всегда проявлялась в одинаковой степени. По данным нашего полевого материала, в дореволюционной Балкарии существовали и такие большие семьи, в которых наблюдался процесс ослабления власти главы семьи — отца. Это были семьи, в которых после раздела родители оставались жить вместе с семьей одного из сыновей, чаще всего младшего. Руководил такой семьей по-прежнему отец. Но характер внутрисемейных отношений теперь значительно менялся: в случае превышения власти отцом и этот сын мог потребовать выдела.

«Юй тамата» — отец определял каждому члену семьи работу, о чем подробнее будет сказано ниже, решал, кому из членов семьи нужно уходить на заработки, устраивал их судьбы, диктовал членам своей семьи условия поведения, единовластно решал между ними споры и многие другие вопросы. Власть «юй таматы» над членами семьи проявлялась и в порядке заключения брака⁷¹. В «Терских ведомостях» за 1894 г. читаем: «Отец, являясь в семье полным и неограниченным деспотом, по своему желанию выдает, или вернее сказать, продает свою дочь тому, кто выплатит такой калым, какой он запросит, не справляясь при этом, конечно, о том, желает ли дочь выйти за его избранника или не желает»⁷². Если решался вопрос женитьбы внука, «юй тамата» не обязан был считаться с мнением своего сына — отца молодого человека. До того, пока отец — глава семьи не решит женить сына или внука, те не имеют права высказать желания жениться. Данный порядок в

⁷⁰ См.: Горц. Чегемское общество Нальчикского округа. — Газ. ТВ, 1894, № 147; А. И. Дроздовский. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области. — «Медицинский сборник», № 9. Тифлис, 1870, стр. 21.

⁷¹ См.: И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 567.

⁷² Горц. Указ. соч., стр. 4.

семье отцовского типа вытекал из самой сущности такой семьи. Как глава семьи, «юй тамата» являлся руководителем и исполнителем религиозных обрядов при семейных торжествах.

«Юй тамата», по праву врученных ему полномочий, представлял свою семью во всех внешних делах и перед властями, являясь как бы соединяющим звеном между большой семьей и административной властью. Он обязан был содействовать таким мероприятиям, проводившимся государственными властями и местными таубиями, как сбор налогов и несение натуральных повинностей. «Юй тамата» — отец представлял семью на общинном собрании и на суде, отстаивая ее интересы и являясь защитником ее чести. Большая семья у балкарцев, как и любая общественная организация, юридически нуждалась в своем представителе, ибо члены большой семьи отцовского типа по обычному праву балкарцев лишены были права вступать во всевозможные сделки и договоры.

Развивавшееся товарное хозяйство в Балкарии конца XIX—начала XX вв. значительно усилило роль «юй таматы» в хозяйственной жизни большой семьи, увеличило его власть над трудом членов своей семьи. «Он заведует хозяйством семьи,— писали И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский,— направляет занятия каждого из его членов, требует от них безусловной передачи всех их заработков в общую казну, производит, в случае нужды, займы и отчуждает семейные доходы...»⁷³. В его руках сосредоточиваются функции пролажи и покупки; главные его обязанности — это руководство семьей. Усилившаяся власть «юй таматы» задерживала распад больших семей и в то же время сводила к нулю демократизм внутренних отношений. В этот период «юй тамата» обычно сам управлял хозяйством и распределял работу между сыновьями и женщинами семьи. Авторитет главы семьи был весьма высок, и поэтому случаев, когда младшие члены семьи не подчинялись бы его решениям и требованиям, не наблюдалось. Авторитет «юй таматы», даже уже нетрудоспособного и лишенного всякой власти в семье, был непререкаем. Считалось крайне неприличным пренебречь советом и мнением старшего члена семьи.

Путешествовавший в 1905 г. по Кавказу Мориц фон Деши отмечал, что «глава семьи в татарских (балкарских.— А. М.) семьях пользовался большим авторитетом...»⁷⁴. Описывая семью таубия Исмаила Урусбиева, автор особое внимание уделял тому, каким авторитетом пользовался глава семьи.

В жилище «юй тамата» занимал центральное место. Он первый садился за стол, первым ложился спать, в его присутствии нельзя было громко разговаривать и т. д.⁷⁵. Когда к столу

⁷³ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 558.

⁷⁴ Мориц фон Деши. Указ. соч., стр. 75.

⁷⁵ См.: А. Ф. Ляйстер, Г. Ф. Нурсин. География Кавказа. Тифлис, 1924, стр. 327.

подавали мясо, а его обычно раскладывали в определенном порядке — голова, курдюк, ноги, «юй тамате» доставалась наиболее почетная доля. Н. А. Караулов, служивший долгие годы в Терском казачьем войске и наблюдавший за жизнью горцев, писал: «Старшинство соблюдается особенно внимательно. Старшему первый привет, лучше кусок и мягче постель»⁷⁶.

Соответствующую «юй тамате» роль по женской линии в балкарской семье играла «юй бийче» — старшая женщина семьи. Она обычно являлась женой «юй таматы» или его матери. В отличие от порядков в кабардинских семьях, у балкарцев после смерти «юй бийче» во главе женской половины семьи становилась старшая по возрасту женщина, независимо от того, была ли она женой главы семьи или нет. В Балкарии бывали семьи, в которых роль «юй бийче» выполняла мать или жена старшего брата, в то время как обязанности «юй таматы» находились в руках среднего, по причине смерти отца и старшего брата. После смерти «юй таматы» его место занимал старший сын, а «юй бийче» оставалась прежняя. М. Анаева (1896 г. р., сел. Булунгу) сообщает: «Главой нашей семьи среди женщин была Кабасарай — жена «юй таматы» Бекмурзы. Оба они руководили жизнью семьи. Но в нашем селении было и так, что семьей руководил, после смерти отца, старший женатый сын, женскую же половину семьи возглавляла мать, а не жена сына и не другая, тем более, женщина семьи».

Иногда обязанности «юй бийче» вместе со старшей женщиной выполняла и следующая по возрасту женщина семьи, т. е. старшая невестка. «Юй бийче» распоряжалась ключами от кладовой «гуму», и никто, кроме нее, не мог войти туда. Время от времени «юй бийче» сообщала «юй тамате» о необходимости приобретения тех или иных запасов или предметов домашнего обихода, и он слушался ее советов.

В физической работе «юй бийче» — мать участия почти не принимала. Трудовые функции ее заключались в выдаче из кладовой продуктов для приготовления пищи и распределении работ среди женской части семьи. Кроме того, она делила между членами семьи одежду и шерсть, давала советы и вела контроль над работой невесток и дочерей. Выполнявшая функции женской главы семьи старшая невестка, несмотря на более привилегированное положение по сравнению с другими женщинами, трудилась так же активно, как и остальные женщины.

«Юй бийче» обладала правом дисциплинарной власти по отношению к невесткам и дочерям. По словам жительницы сел. Гунделен Ф. Эльжерукаевой, свекровь могла избить, оскорбить, оплевать свою невестку. Невестки же, в свою очередь,

⁷⁶ Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 148.

должны были оказывать полнейшее почтение «юй бийче», в особенности это относилось к младшей невестке.

Женская глава семьи помогала воспитывать детей, следила за моральным поведением молодых женщины семьи. Только с ее разрешения девушки могли пойти за водой или в гости. Чаще всего на какие-либо праздники «юй бийче» сама сопровождала своих дочерей и снох. Что касается обрядовой жизни, то и в этом вопросе «юй бийче» играла решающую роль. Она же, как правило, давала имена новорожденным.

Трудовая жизнь любого народа — один из важнейших критериев определения его общественного строя, быта, семейных отношений и культуры. Обычаи и порядки, связанные с организацией труда, как и всякие традиции, своими корнями уходят в историю создавшего их народа, неразрывно связаны с условиями его жизни. Исследователи Балкарии конца XIX — начала XX вв. не придавали особого значения вопросу организации труда в большой семье. Между тем, большие семьи, как производственно-потребительские коллективы, характеризовались не только родственными отношениями, но и производственными. Коллективное производство в больших семьях являлось следствием общесемейной формы собственности, а последнее было возможно при условии участия всех трудоспособных членов в коллективном труде. В больших балкарских семьях все члены семьи, не исключая детей, принимали участие в труде. Этому способствовало разделение труда в большой семье, состоявшее в том, что как у мужчин, так и у женщин и детей был свой определенный, установленный круг обязанностей. В обязательном порядке учитывались индивидуальные способности, личная склонность и возрастное положение каждого члена семьи.

Скотоводство и земледелие (имеется в виду та часть земледелия, которая связана с тяжелой физической нагрузкой) находились в ведении мужчин. Женщины же в основном занимались домашним хозяйством и сезонной работой в поле. Между мужчинами и женщинами также распределялись различные виды домашней промышленности.

Характер труда, как известно, зависит от развития производительных сил. В условиях Балкарии, где хозяйство носило натуральный характер, для его ведения необходимо было немалое число рабочих рук. Натуральное хозяйство играло особую роль как в длительном сохранении больших семей, так и в распределении труда между мужчинами и женщинами.

Чтобы правильно и рационально велось хозяйство большого семейного коллектива, требовалась умелая его организация. Поэтому руководителем всего хозяйства был «юй тамата». Работа между членами семьи распределялась по его усмотрению, с учетом всех необходимых, на его взгляд, требований. Дневные задания и текущие указания членам семьи,

занятым в земледелии и других хозяйственных делах, исключая, конечно, чабанов, находившихся в течение длительного времени на пастбищах, обсуждались работниками и давались «юй таматой» обычно после ужина, когда вся семья собиралась вокруг очага. Вечером следующего дня работники докладывали «юй тамате» о выполненной работе.

Распределение труда между мужчинами в большой семье у балкарцев, как и у кабардинцев и карачаевцев, носило постоянный характер, т. е. представители мужской половины семьи постоянно занимались одной областью хозяйства. Несмотря на то, что каждый мужчина в большой семье был наделен определенным занятием, в случае необходимости он не избавлялся от дополнительных занятий и поручений, назначавшихся «юй таматой».

Скотоводством занимались наиболее опытные из членов семьи, так как пастьба на летних пастбищах, где овцы находились долгое время, требовала больших знаний и опыта. Побывавший в Баксанском ущелье и наблюдавший быт балкарцев, М. И. Иванов отмечал, что овцеводством и обработкой молочных продуктов на пастбищах занимается мужская часть населения. В этнографических очерках «Народы Кавказа» мы читаем: «Мужчины вели скотоводческое хозяйство на пастбищах и здесь же перерабатывали молоко в сыры, айран и т. д.»⁷⁷.

Зимой скот содержали в небольших загонах около аулов. Для пастьбы обычно объединяли овец нескольких больших и малых семей, как правило, кровных родственников, создавая на время своеобразный производственный коллектив, где между чабанами существовало определенное возрастное разделение трудовых обязанностей. Возрасту уделялось особое внимание. Опытный овцевод пользовался большим уважением в семье и сельской общине. «Хороший, опытный пастух или табунщик, — писал В. П. Пожидаев, — умевший хорошо «разбить» стадо, предусмотреть погоду и т. п., у кабардинцев и у других горцев пользовался весом и уважением и был заметным членом своего общества»⁷⁸. В обязанности овцеводов входило обеспечение скота пастбищем, увеличение поголовья, умение различать полезные и ядовитые травы, ориентироваться в пути при перегоне стада с одного места на другое, оказание первой помощи раненому животному, руководство обучением мальчиков, принимавших участие в пастьбе овец.

Те мужчины, которые не были связаны со скотоводством, занимались земледелием и другими хозяйственными работами. Характерными примерами больших семей, где во главе стоял отец, семей с четкой организацией и разделением тру-

⁷⁷ Н. Ф. Такоева. Балкарцы.— Указ. соч., стр. 289.

⁷⁸ В. П. Пожидаев. Горцы Северного Кавказа. Краткий историко-этнографический очерк. М.—Л., 1926, стр. 56.

довых функций были большие семьи Муссы Апаева из Шики, Гекки Аттоева из Безенги, Таукана Настаева и Чокая Жанатаева из Гунделена. Интересен полевой материал, касающийся организации труда в большой семье и в семьях неразделенных братьев — Уразая Глашева из пос. Глашевский, Иссы Гасиева из Верхней Балкарии, Ислама Чочаева и Гогую Жабоева из Безенги и Бекмурзы Анаева из Шики. Рассмотрим две из них.

Семья Иссы Гасиева из Верхней Балкарии насчитывала 11 работников, и каждый занимался определенным делом. Старший по возрасту — Исса руководил жизнью всей семьи, давал указания и советы, осуществлял контроль. Самой ответственной в семье считалась должность чабана, ее занимал наиболее опытный в овцеводстве Батал — младший из пяти братьев, но возраст несколько не сказывался на его работе. Эта должность была для него наследственной, ибо его отец и дед тоже были чабанами. По словам нашего информатора Б. Гасиева (1891 г. р., сел. Верхняя Балкария), отец Батала считался в Балкарии одним из опытейших специалистов в этой области. Семья Гасиевых обладала отарой в 400 овец. Батал постоянно находился в горах со стадом, в его обязанности входили правильная организация выпаса овец и переходов их с летних пастбищ на зимние, стрижка овец и другие работы. Так как у него не было сыновей, ему помогали сыновья Иссы и Батырбека — Махмуд, Масхуд, Мустафа и Магомет. Мусса — средний по возрасту брат — следил за крупным рогатым скотом, которого в стаде, принадлежавшем семье, насчитывалось 50 голов. Помощь ему оказывали его сыновья — Абука и Белял.

При строгой организации труда среди мужчин-балкарцев соответственно выработался порядок, при котором профессии становились наследственными, т. е. переходили от отца к сыну. Дети, как правило, занимались той же работой, что и их отцы. Так, в вышеупомянутой большой семье Иссы Гасиева один из братьев — Багырбек — был землепашцем, а другой — Аслан — ремесленником; сыновья же их помогали отцам, осваивая эти специальности. Однако в конце XIX — начале XX вв. обычай этот не был определяющим. Больше внимания в это время уделяли индивидуальным качествам члена семьи. Хозяйкой большой семьи Иссы Гасиева была старшая невестка. Она распоряжалась продуктовыми запасами семьи и руководила всеми работами женщин.

Большая семья Гогую Жабоева, состоявшая из семей четырех братьев и включавшая в себя 39 человек, в экономическом отношении представляла собой сильный родственный коллектив. Глава семьи следил за выполнением работ, в некоторых случаях помогал (когда это было необходимо). Оразай, как один из старших и опытных братьев, пас овец. Основную часть

времени в году он находился на пастбище с отарой овец. Ему помогал его сын Тебо (наш информатор). Следующий по возрасту брат — Жашу был мастером по ремонту сельскохозяйственного инвентаря и, кроме того, поливальщиком. Его сыновья — Баксанук, Кайтмурза и Карачик унаследовали от отца эти профессии. Сыновья следующего, третьего, брата — Карая, занимавшегося земледелием, Кайсын, Жюнюс, Хайин, Абу и Якуб приобрели большой опыт в этой области хозяйства. Младший из братьев — Киту пас крупный рогатый скот. В этом ему помогали все ребяташки семьи. В семье насчитывалось 19 работников, и каждый из них занимался определенной отраслью хозяйства.

Число работников в больших семьях было разным, в зависимости от количества в семье взрослых людей и структуры самой семьи. Так, в семье со средним численным составом 12—15 человек, состоявшей из двух-трех поколений, обычно насчитывалось 4—5 взрослых работоспособных мужчин и две-три женщины. Но были семьи и с большим числом рабочих рук. Например, семья Гогую Жабоева состояла из 19 работников-мужчин, Иссы Гаснева — из 11, Бийбо Чочаева — из 14, Гекки Аттоева — из 12. В семье Аталыка Кочкарова, состоявшей из 14 человек, было 12 работников. Участие в труде, кроме мужчин, принимали также женщины, за исключением «юй бийче». По словам Р. Байдаева, в большой семье Зекеры Байдаева было восемь работников-мужчин, четверо из которых занимали должности овчаров и пастухов, трое занимались земледелием, один — ремеслом. Работы, связанные с сенокосом, выполнялись всеми членами семьи, не занятыми в овцеводстве.

Рабочий день обычно начинался с рассветом и кончался к заходу солнца. Работа продолжалась в любое время года. Зимой женщины занимались ткачеством, вязанием, вышивкой и т. д., мужчины ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь, изготавливали предметы домашнего обихода, заготавливали дрова, ездили на мельницу. Производимые крестьянскими хозяйствами продукты и изделия при натуральном характере производства, естественно, находили применение в основном внутри хозяйства. Характерной чертой крестьянского быта балкарцев было широкое распространение домашней промышленности. В. И. Ленин отмечал: «Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»⁷⁹. При слабом развитии экономики хозяйства балкарцев, основные средства и предметы производства, необходимые в семейном быту (орудия труда, ме-

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.

бель, утварь, одежда и т. д.) изготовлялись силами семьи. Домашним способом балкарцы изготовляли деревянные части пахотных орудий, бороны, чашки, тарелки, солонки. Широко было распространено в Балкарии изготовление сукон и холстов. Многие крестьянские семьи имели ткацкие станки — «чепкен агъач». Производство сукна в Балкарии среди промыслов занимало одно из ведущих мест, чему благоприятствовало наличие сырьевого материала. Много времени балкарские женщины уделяли обработке шерсти, изготовлению изделий из нее. В. Я. Тепцов, преподаватель Кутаисского училища, многократно посещавший Карачай и Балкарию в целях изучения этнографии живущих здесь народов, отмечал, что «женщина-балкарка никогда не расстается с веретенком; оно у нее если не в руках, то за широким поясом»⁸⁰. Шерсть начинали обрабатывать осенью, ткали и вязали круглый год, особенно в зимние месяцы. В этой работе вместе со взрослыми женщинами активное участие принимали и девочки. Женщины изготовляли шерстяные и войлочные ковры — кийзы, шляпы, обувь; распространено было бурочное производство. В женском труде большое место занимали работы, связанные с изготовлением одежды для членов семьи. Х. Геляев (1888 г. р., из Верхней Балкарии) рассказал, что «вся шерсть, заготовленная семьей, как правило, делилась на две части. Одна часть откладывалась для общих нужд, другая делилась между невестками и предназначалась для каждой отдельной семьи». Женщины большой балкарской семьи поочередно изготовляли одежду для «юй таматы» — отца и «юй бийче» — матери; это считалось их непреложной обязанностью.

Мужчины создавали деревянные изделия, изготовляли арбы, сохи, бороны, грабли, различные предметы домашнего и кухонного обихода. В этнографическом очерке «Балкарцы на Кавказе» Н. А. Караулов, касаясь вопроса трудовых занятий мужчин-балкарцев, отмечал: «Главные занятия мужчин пасти скот, ездить в лес за дровами и охотиться. Летом работают на полях, а зимой занимаются выделкой посуды, земледельческих орудий и оружия»⁸¹. Для домашнего производства балкарцев в конце XIX — начале XX вв. еще не были характерны черты, присущие ремеслу, так как отсутствовало производство изделий на заказ и заказчика. Домашняя промышленность выступала как господствующая форма «общественно-экономических отношений в обрабатывающей промышленности»⁸².

⁸⁰ В. Тепцов. Указ. соч., стр. 193. В этой же работе В. Тепцов приводит такой пример. Возвращаясь с гор, они, т. е. автор и его спутники, встретили двух пожилых балкарков и молодую девушку, которые медленно поднимались в гору по крутой тропе и, весело болтая, продолжали прясть.

⁸¹ Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 144.

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.

Если разделение трудовых обязанностей в большой семье между мужчинами носило постоянный характер, то между женщинами трудовые обязанности распределялись ежедневно, либо еженедельно, а порою через более длительные сроки. «Распределение работ в семье между невестками и дочерьми не было постоянным. Невестки и дочери по очереди доили коров, готовили обед, завтрак и ужин, убирали в доме, стирали белье», — говорит К. Теппеева (1887 г. р., сел. Безенги). По словам М. Анаевой и К. Анаева из сел. Безенги, Б. Мусукаевой (1881 г. р.) из сел. Гунделен, в некоторых больших семьях поселка Шики и сел. Гунделен «юй бийче» устанавливала недельную очередность между женщинами семьи. Важно отметить, что в семьях «неразделенных братьев» — Иссы Гасиева, Гогюя Жабоева, Уразая Глашева и Ислама Чочаева трудовые обязанности за женщинами закреплялись на более длительные сроки. При распределении работ среди женщин «юй бийче» учитывала способности и возможности невесток. Объем работы, приходившийся на долю каждой женщины большой семьи, зависел от численного состава этой семьи и социального положения. Трудовые обязанности женщин в балкарской семье были весьма разнообразны: выпечка хлеба, уборка в доме, шитье одежды, ткачество, вязание и т. д.⁸³

Невестки, свободные от приготовления пищи, занимались по хозяйству или работой в своей комнате — «отоу»; в обязанности девушек не входило готовить пищу; они носили воду, прислуживали за столом, убирали посуду, обшивали семью, занимались вязанием. Но это несколько не значило, что балкарские девушки не учились и не умели готовить пищу. Младшая невестка — «келин» в доме обычно убирала комнаты, помогала одеваться и раздеваться свекру и свекрови⁸⁴, стелить им постели, разувать старших мужчин в доме, чистить им обувь, наливать воду на ноги. Последнее считалось знаком уважения — «намыс». Положение младшей невестки в семье было трудным. На нее смотрели, в первую очередь, как на рабочую единицу. Вся основная тяжелая работа по хозяйству выполнялась ею. Молодая сноха все время должна была что-то делать, чтобы не навлечь немилость «юй бийче». Все работы младшей невестки ограничивались домом; первый год она вообще не выходила из дому. Рабочий день ее кончался позже всех членов семьи. По мнению К. Теппеевой, младшей снохой руководила не только боязнь немилости «юй бийче», но и желание помочь другим женщинам семьи, у которых были дети и которые более были занятыми в хозяйстве.

⁸³ См.: С. Давидович. В горах Кавказа. (Путевые впечатления) — «Природа и охота». М., 1893, стр. 28.

⁸⁴ Необходимо отметить, что ухаживание за старшими в балкарской семье считалось большой честью для младшей снохи.

В зажиточных семьях каракишей молодая невестка в первые сорок дней после замужества не выполняла никакой работы, в бедных же семьях молодая сноха включалась в трудовую жизнь семьи буквально через неделю, две. По мере ознакомления невестки со своим новым положением и хозяйством она вначале выполняла обычно лишь легкие поручения, затем какое-либо сложное дело, постепенно осваиваясь с общей системой труда всей семьи. При исследовании трудовой жизни балкарской семьи нельзя упускать из вида классовую дифференциацию общества в конце XIX — начале XX вв. Женщины из княжеских фамилий совсем не принимали участия в труде.

Как видим, в конце XIX — начале XX вв. в Балкарии, в связи с проникновением капиталистических отношений, большие семьи отцовского типа претерпевают усиленный распад. Изменение формы и структуры семьи, нарушение, в некоторой степени, принципа разделения труда тесным образом было связано с экономической и общественной жизнью балкарского общества.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

В условиях слаборазвитых экономических отношений в Балкарии коллективная собственность членов большой семьи была основой существования нескольких поколений родственников. Будучи важным фундаментом большой семьи, общественная собственность включала в свой состав два вида собственности: недвижимую и движимую. Категория недвижимого имущества охватывала центральное жилище, хозяйственные постройки, пахотные и сенокосные участки; движимое имущество было представлено мелким и крупным рогатым скотом, лошадьми, домашней обстановкой, кухонной утварью, продуктами сельскохозяйственного труда и т. д. «Двор является совокупностью нескольких родственных семей, владеющих сообща как движимым, так и недвижимым имуществом»⁸⁵, — писали в 1884 г. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский.

В «Трудах» специальной комиссии под руководством Абрамова отмечается, что каждая большая семья в Балкарии «...имеет свое имущество; имуществом этим заведует старший по летам...»⁸⁶.

Жительница сел. Гунделен Б. Мусукаева вспоминает: «Имущество нашей семьи состояло из нескольких жилых и хозяйственных построек, 50—55 овец и коз, 1 лошади, 3 коров, 1 земельного участка и непритязательной домашней обстановки». «Мелкий рогатый и рабочий скот, сельскохозяйственный инвен-

⁸⁵ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 582.

⁸⁶ «Труды комиссии...», стр. 39.

тарь, различные котлы, надочажная цепь, посуда — все это входило в общее имущество каждой семьи», — подтверждает житель этого же селения З. Улаков.

Несмотря на то, что общесемейное имущество считалось собственностью всех членов большой семьи, фактическим распорядителем его был отец — «юй тамата». Если во главе большой семьи стоял старший брат, то все члены семьи совместно владели движимым и недвижимым имуществом и ни один из них не имел права распоряжаться общесемейным имуществом самостоятельно. Общесемейное имущество у балкарцев и карачаевцев не делилось на наследственное и благоприобретенное⁸⁷. «Различия, — писал Б. В. Миллер, — между родовым имуществом и наймитым трудами членов семьи не делается никакого...»⁸⁸. В народном сознании имущество представлялось как понятие общесемейной собственности членов большой семьи и обозначалось словосочетанием «атабыздан кьалгъан мюлк», т. е. «имущество, оставшееся от отца».

Важную часть имущества большой семьи составляли жилые и хозяйственные постройки. Архитектурная форма жилищ и хозяйственных построек больших семей в Балкарнии была представлена единым монолитным сооружением. Все постройки одной семьи или нескольких родственных больших семей, например, в Верхнем Кюннюме или Глашевском, находились как бы под одной крышей. Такие дворы назывались «башы жабылгъан арбаз» (постройки с крытым двором). Они сложились, на наш взгляд, на поздней стадии развития больших семей. Жилища больших семей, как правило, располагались в глубине двора, обнесенного каменным забором. Такая форма планировки двора больших семей была в основном характерна для всех ущелий Балкарнии. Балкарские жилища и усадьбы имели много общего с жилищами и усадьбами горских народов Северного Кавказа, живущих по соседству с балкарцами. «Татарский (балкарский. — А. М.) двор, подобно осетинскому, представляет собою ряд построек, плотно соприкасающихся одна с другой»⁸⁹, — читаем мы у известных ученых, больших знатоков балкарского быта П. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского.

Для усадеб и жилых построек таубиев характерно было количественное и качественное отличие от крестьянских. Усадьба таубия занимала, как правило, наиболее удобное место в селении; жилища отличались доброкачественным выполнением. Принцип постройки, можно сказать, был одинаков для многих селений Балкарнии. Часть балкарских поселков (За-

⁸⁷ См.: Р. Харадзе. Грузинская семейная община, ч. 2. Тбилиси, 1961, стр. 44; *её же*. Проблема неразделенной семьи по грузинским этнографическим данным. — КСИЭ, М., 1962, стр. 27.

⁸⁸ Б. В. Миллер. Указ. соч., стр. 24—25.

⁸⁹ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 554.

ракшы, Глашевское, Шпки, Верхний Кюннот) состояла из ряда небольших кварталов пристроенных друг к другу жилищ, которые со стороны напоминали многоступенчатую лестницу. Путешествовавший по Кавказу в конце прошлого века С. Давидович в своих путевых впечатлениях писал: «Сакли лежат одна над другой, как черепицы на крыше, без всякого промежутка... крыша сакли служит в то же время двором для соседей, живущих выше»⁹⁰. Ошибочность данного представления впервые была отмечена Д.-М. С. Габиевым, исследовавшим лакские жилища⁹¹. Внешний вид других характеризовался полутеррасностью. Большие половинки балкарских населенных пунктов располагались на более ровной местности.

Ввиду недостаточности пахотной земли в условиях высокогорной местности, коренные жители в течение веков разработали специфическую форму поселения и строительства жилищ. Характер исследуемых балкарских жилищ, по всей видимости, начал складываться в период распада больших семей. Жилища больших семей у балкарцев встречались вплоть до 40-х годов XX в. в селениях Гунделен, Булунгу, Верхняя Балкарня и в поселках Чилмаз, Тегенекли, Кызген, Мукулан, Койсюрген, Кекташ, Чегет и т. д. Во многих покинутых ныне поселках Балкарин до настоящего времени сохранились в разрушенном состоянии дореволюционные жилища балкарцев.

Наиболее древним видом собственности, находившейся в наследственном владении семей, являлось центральное жилище «уллу юй» — «большой дом». Словосочетанием «уллу юй» обозначался также коллектив ближайших родственников, объединенных как общим жильем, так и общим происхождением. Народный лексикон балкарцев до наших дней сохранил идентичность обозначения большой семьи, жилища, очага. Осмысление таких выражений, как «уллу юй» — «большой дом или семья», «бир от жагъагъа къарагъан» — «смотрящие на один очаг», «бир от жагъа» — «один очаг», дает возможность установить определенную связь между большой семьей, жилищем и очагом. Центральное жилище являлось средоточием всей внутренней жизни семьи. Здесь отмечались различные фамильные торжества и всякого рода жертвоприношения, а также устраивались поминки. Существенную роль в ритуальной жизни семьи играл очаг («от жагъа»), являвшийся как бы символом экономической и идеологической общности семьи. Располагался он в центре «уллу юй» или около стены. С очагом были связаны важные моменты быта большой семьи, такие, как свадебный ритуал, получение или уплата выкупа, жертвоприношения, которые совершались в честь умерших предков и

⁹⁰ С. Давидович. Указ. соч., стр. 28.

⁹¹ См.: Д.-М. С. Габиев. Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.). — КЭС, вып. 4. М., 1969, стр. 152.

при разного рода семейных празднествах. Г. Х. Мамбетов отмечает: «Он (очаг.— А. М.) являлся домашней святыней горской семьи»⁹². Очаг и надочажная цепь были почитаемы и у других народов Кавказа. «Оджах» — очаг,— пишет А. Авдал,— считался священным, в него не разрешалось плевать, пачкать вокруг. Очаг являлся символом счастья семьи и «бара»⁹³.

Никак нельзя согласиться с мнением одного из первых советских исследователей Балкарии В. П. Христиановича, считавшего, что «очаг у балкарцев не пользовался ни малейшим почтением ввиду того, что балкарцы мало религиозны»⁹⁴.

Пережитками культа очага являлись запреты для отдельных семей снабжать огнем соседей в один из дней недели, причем для каждой семьи это был особый день. «У татар Закавказья ни одна женщина не дает в среду и субботу своей соседке ни сита, ни огня, ни соли»⁹⁵. По поверьям таджиков, тот, кто давал в субботу огонь соседям, подвергал свою семью обеднению⁹⁶. «Чувашское поверье гласит: нельзя давать огня на сторону — уходит счастье; давать соседям огонь вообще не принято, но есть дни, в которые совершенно запрещается давать огонь в другие дома, например, в день моления о плодородии»⁹⁷. Д. К. Зеленин объясняет данное явление тем, «что древнейшим магическим представлением, с которым были связаны имущественные запреты (на известной ступени их развития), было представление о магическом круге, прорыв которого влечет за собою потерю «спора», успеха в данном деле или производстве». И далее: «Выдача из дома огня или какой-либо другой вещи равносильна как бы открыванию дверей дома; словно сквозь раскрытые двери, через разорванный выдачей вещи магический круг уходит счастье»⁹⁸. Такими днями, например, в сел. Верхняя Балкария у Глашевых был вторник, у Геляевых — среда, у Уянаевых — понедельник, у Мусукаевых — пятница, у Эльбаевых — суббота, у Гыллыевых — среда.

Кроме того, жительницы сел. Белая Речка Т. Бабаева (1889 г. р.) и пос. Эльбрус Х. Джабоева (1888 г. р.) рассказали об одном редкостном обычае, встречавшемся в свое время в Балкарии, но до сих пор нигде не упоминавшемся в литера-

⁹² Г. Х. Мамбетов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX — 60-е годы XX вв.). Нальчик, 1971, стр. 146.

⁹³ А. Авдал. Патронимия у курдов Армении в XIX в. — СЭ, 1959, № 6, стр. 152.

⁹⁴ В. П. Христианович. Указ. соч., стр. 14.

⁹⁵ Д. К. Зеленин. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. Л., 1934, стр. 60.

⁹⁶ См.: З. Е. Пещерева. Молочное хозяйство у горных таджиков. Ташкент, 1927, стр. 11.

⁹⁷ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 19.

⁹⁸ Там же, стр. 32.

туре. Обычай этот состоял в том, что, когда приводили в дом невесту, очаг приглашали развести самого счастливого человека в ауле. В наши дни можно слышать, как балкарцы клянутся надочажной цепью («бу сынжырны хакъына» — «клянусь этой цепью»). «До распространения мусульманства, — сообщается в одной из публикаций, — в горах присяга происходила по языческим обрядам: клялись очагом своим, железной цепью, висящей над очагом»⁹⁹. Но к концу прошлого столетия значение культа очага было ослаблено.

И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский объясняют причину утраты очагом к концу XIX в. древних черт культа тем, что он был перенесен на надочажную цепь («сынжыр»). «И те и другие (автор имеет в виду осетин и балкарцев. — А. М.) окружают ее (цепь. — А. М.) одинаковым почетом»¹⁰⁰. К надочажной цепи, как к символу домашнего очага, не разрешалось прикасаться без особой необходимости. Она играла немаловажную роль в свадебном ритуале. Прикосновение невесты рукой к надочажной цепи воспринималось как желание стать женой одного из членов дома.

Скрывавшийся от погони человек, по обычаю балкарцев, карачаевцев, осетин и других народов Кавказа, мог вбежать в любой дом и, прикоснувшись к надочажной цепи, этим обязывал хозяина принять все меры к его защите независимо от того, был ли он врагом этого дома, преступником или желанным гостем¹⁰¹. Своим действием этот человек как бы приобщался к семейному культу данного дома, становясь под защиту хозяина. Оскорблением чести семьи считалось, если посторонний похищал или выбрасывал надочажную цепь из дома. Надочажная цепь также не подлежала разделу.

Центральные жилища у балкарцев, карачаевцев, кабардинцев и других народов делились как бы незримой чертой на две половины — женскую и мужскую. «Внутреннее помещение состоит, по крайней мере, из двух частей. В одной помещаются жена и дети; сюда не может войти ни один мужчина, за исключением близких родственников. В другой помещались мужчины; сюда, в свою очередь, не имеют права вступать женщины»¹⁰². Женская часть жилища находилась, как правило, справа от очага, ближе к выходной двери. Тут же рядом, как и в карачаевских жилищах, была пристроена кладовая — «гуму».

Члены большой семьи располагались в центральном жилище следующим образом. Глава семьи занимал место в центре перед очагом; здесь стоял своеобразный диван («орундукъ»),

⁹⁹ *Горец*. Горцы Нальчикского отдела. — Газ. «Каспий», 1898, № 67.

¹⁰⁰ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 556.

¹⁰¹ См.: В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967, стр. 301, 302, 303.

¹⁰² В. П. Христианович. Указ. соч., стр. 15.

имевший одинаковые по высоте спинки с трех сторон. Напротив очага находились места остальных мужчин семьи. Вокруг очага и в женской части жилища имелось около десятка небольших треножных столиков — «тепикле» и таких же маленьких стульев — «шинтикле». Предметы домашнего обихода размещались на полках, укрепленных на противоположной от двери стене. Самая верхняя полка («агырыкъ») предназначалась для одежды и различных вещей. Ниже располагалась полка («жыйгыч») для постельных принадлежностей: матрацев, подушек, одеял и т. д. Посетивший в начале XX в. Баксанское ущелье немецкий путешественник Мориц фон Деши отмечал: «В комнатах пристроены стеллажи для постельного белья и длинные скамьи для сидения»¹⁰³.

В самом основании стены строили выступ из камня («тырхык»), на котором обычно ставили котлы, кастрюли, кувшины, бочки, тазы, чашки, сосуды для молока, кувшины для сыра и молока, чайники, клалли топоры, щипцы для очага и т. д. Две нижние полки — «жыйгыч» и «тырхык» — занавешивались кийизом домашней работы.

В конце XIX — начале XX вв. балкарские жилища типа «уллу юй» отдельно почти не встречались; вместе с хозяйственными постройками и комнатами для индивидуальных пар они представляли единый строительный комплекс. Нами были проведены измерения жилищ в ныне заброшенных поселках Верхний Кюннум, Глашево, Заракшы, Шики, Жабоево, Бопу, Быкмылги, Жора, Кызги, Чилмаз и других, в результате чего мы пришли к выводу, что средние размеры «уллу юй» в конце XIX — начале XX вв. составляли 18—20 квадратных метров. Бывали жилища, доходившие и до 25—30 квадратных метров. Обратимся к конкретному материалу. До раздела семьи Исмаила Чочаева, который произошел, по словам его сына Ю. Чочаева, в 1901 г., она состояла из 46 человек. Пятеро братьев отца со своими семьями жили в отдельных комнатах («отоу»), которые были пристроены к «уллу юй». Основную часть свободного времени вся семья проводила в центральном жилище¹⁰⁴. Аналогичным было жилище Гогуя Жабоева. Оно так же, как и жилище Исмаила Чочаева, делилось невидимой чертой на две части: мужскую и женскую. Кроме того, здесь имелось два очага — в центре жилища и пристенный. В доме была кладовая — «гуму»; на задней стене — полки для вещей; имелся угол, куда на первое время помещали невесту. Здесь проходила вся трудовая жизнь женщин семьи и проводились общесемейные празднества¹⁰⁵. Естественное вызревание и диф-

¹⁰³ Мориц фон Деши. Указ. соч., стр. 73.

¹⁰⁴ Необходимо отметить, что «уллу юй» семьи Исмаила Чочаева отличалось своими большими размерами от центральных жилищ других односельчан.

¹⁰⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 69 об., 70.

ференциация малой семьи в недрах большой во второй половине XIX в. сопровождалась тем, что к центральному жилищу («уллу юй») стали пристраивать небольшие помещения («отоу») для малых семей. Аналогичные сооружения встречались в изучаемый период и у кабардинцев.

Каждый двор обычно имел столько «отоу», сколько было в семье женатых мужчин. Отдельные ячейки всего жилого комплекса, примыкая друг к другу и составляя как бы единое строение, в то же время были изолированы друг от друга, имея отдельные ходы снаружи. Никакими особыми архитектурными элементами «отоу» друг от друга не отличались. В «отоу» хранились постельные принадлежности и вещи, находившиеся в личном пользовании данной малой семьи, стояли сундуки с приданым невестки. Стены в «отоу» обычно занавешивались войлочными коврами. «Отоу» отличались от центральных жилищ «уллу юй», во-первых, размерами, и, во-вторых, тем, что имевшийся там очаг использовался только для обогрева комнаты. Одна из «отоу» у балкарцев, как правило, предназначалась для гостей. Отдельные помещения обычно выделяли женатым мужчинам старшего поколения, а их неженатые сыновья и незамужние дочери жили в «уллу юй», так как при разрастании большой семьи не всегда хватало отдельных комнат. Вышеописанный комплекс балкарского жилища представляет собой явление относительно позднее, знаменуя начало выделения из большой семьи малой. По мнению А. И. Робакидзе, в конце XIX — начале XX вв. большая семья отцовского типа «теряет, как видно, характерную для нее прочность, которая проявляется в разрушении единства жилой площади»¹⁰⁶. Эволюцию балкарских жилищ удалось проследить Э. Б. Бернштейну на примере домов Ачи Боязирова в сел. Кала и Таукана Хочуева из Хуламо-Безенгийского ущелья¹⁰⁷.

Предельное разрастание больших семей вызывало необходимость постройки небольших по размерам специальных помещений для женатых пар. Но, несмотря на выделение малых семей и поселение их в отдельные комнаты, большие семьи сохраняли еще коллективную собственность, как основу своего существования. Центральное жилище продолжало оставаться помещением, где все члены неразделившейся семьи по-прежнему проводили большую часть свободного от работы времени, отдыхали, отмечали семейные торжества. Иллюстрацией к сказанному могут служить планы домов больших семей Абая Абаева и Муссы Забакова из сел. Верхний Кюннум. По словам

¹⁰⁶ А. И. Робакидзе. Форма поселения в Балкарии.— «Материалы по этнографии Грузии», вып. 11. Тбилиси, 1960, стр. 100.

¹⁰⁷ См.: Э. Б. Бернштейн. Народная архитектура балкарского жилища.— В сб.: «Происхождение балкарцев и карачаевцев». Пальчик, 1960, стр. 197.

жителя сел. Верхняя Балкария Б. Гаснева, семья Абая Абаева состояла из 18 человек. «Уллу юй» этой семье находилось в центре строительного комплекса. В нем жили «юй тамата» Абай Абаев, его жена и дети его братьев. По обеим сторонам от центрального жилища располагались небольшие комнаты трех братьев Абая: Бадината, Сарамурзы и Исмаила. Четвертая комната «отоу» была отведена для гостей. Большая семья Муссы Забакова к 1920 г. включала в свой состав четыре поколения родственников. Члены этой «неразделенной семьи» размещались в семи жилых помещениях, шесть из которых предназначались для индивидуальных семей. С боковых сторон находились помещения для содержания крупного рогатого скота, лошадей и другие хозяйственные постройки, которые не были подведены под общую крышу. Усиливавшаяся дифференциация отдельных семей приводила все к большему их обособлению, но до окончательного раздела большой семьи «уллу юй» продолжало оставаться основной частью жилища.

Как видно, развитие жилища балкарцев в конце XIX — начале XX вв. соответствовало той ступени общественного развития, когда большая семья находилась в стадии упадка, и было обусловлено социально-экономическим строем общества. В связи с этим одни и те же архитектурные формы характерны и для других народов Кавказа — карачаевцев, осетин, дагестанцев, чеченцев и др.

Помимо жилища и хозяйственных построек, в общей собственности семьи находились земля, скот, хозяйственный инвентарь. Так как ведущей отраслью хозяйства в Балкарии было скотоводство, то поголовье скота определяло экономическую основу семьи. «Главное богатство жителей Балкарии, — писал К. Саввич-Заблоцкий, — как и других горцев, составляют многочисленные стада коз, овец и баранов»¹⁰⁸. В газете «Терские ведомости» за 1901 г. читаем: «В этом относительно небольшом уголке вышеуказанных обществ (Балкарского, Хуламо-Безенгевского, Чегемского и Баксанского. — А. М.) скотоводство и овцеводство по своей численности превосходило этого рода хозяйство во всех туземных племенах Терской области»¹⁰⁹. «Это пульс народной жизни горского населения. Его интенсивное или слабое развитие служит критерием экономического богатства и расстройтва», — констатирует другой дореволюционный автор.

В беседе с информаторами сел. Булунгу Чегемского ущелья выяснилось, что на каждую крестьянскую семью в конце XIX — начале XX вв. приходилось в среднем: овец от 150 до 200 штук, от 10 до 15 голов крупного рогатого скота, 1—2 ло-

¹⁰⁸ К. Саввич-Заблоцкий. Указ. соч., стр. 90.

¹⁰⁹ Н. П. Тульчинский. Еще о поземельном вопросе Нагорной полосы Терской области. — Газ. ТВ, 1901, № 42.

шади. Хозяйство Гекки Аттоева из сел. Безенги состояло из 200—250 овец, 20—25 коров, 3 лошадей¹¹⁰. По словам Т. Жабоева из Безенги, семье, в которой он жил, к моменту раздела (1900 г.) принадлежало около 200 овец и коз, 22 коровы, 7 лошадей. Информатор А. Глашев (1868 г. р., сел. Верхняя Балкария) рассказал о том, что их семья, состоявшая из 23 человек, владела 320 овцами, 25 головами крупного рогатого скота, 2 лошадьми. Побывав в Балкарском ущелье в 1886 г., И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский отмечали: «У самого богатого найдется до 200 штук крупного рогатого скота и 5000 баранов; у самого бедного — менее двух коров, одной лошади и 300 баранов не бывает»¹¹¹. «Богачи-князья имеют табуны до 3—4 тысяч голов»¹¹², — писал В. Тепцов о таубнях Чегемского ущелья. Аналогичное высказывание относительно состояния таубиев Баксанского ущелья мы находим в работе М. А. Иванова «В ущелье р. Баксана»: «...богач имеет 2—3 тысячи голов мелкого и до 200 штук рогатого скота»¹¹³.

Развитие скотоводства в горах Балкарии было естественным явлением, ибо при скудной и малопродуктивной почве занятие земледелием в больших масштабах было невозможным. Разведение скота обеспечивало балкарцев продуктами питания и материалом для изготовления одежды, кроме того, скот служил средством передвижения. Овцеводство в Балкарии базировалось на отгонно-горном содержании. В летний период овец пасли на высокогорных пастбищах Центральной Кавказа, а в зимний использовали присельские пастбищно-сенокосные угодья. Перед весенним выгоном на равнины Кабарды¹¹⁴ формировались отары, в которые входило, как правило, до двух тысяч овец¹¹⁵. Небольшие хозяйства, чаще всего родственные, объединяли свой скот в одну отару. В конце апреля, после метки скота, стада угоняли в горы на летние пастбища («жайлыкъла»), где они находились в течение 4,5—5 месяцев. Зимой скот содержался в зимовниках («кзышлыкъла»), устроенных в ущельях гор, недалеко от аулов.

Что касается земледелия, то оно, как известно, являлось в Балкарии второстепенной отраслью хозяйства. «Наряду со скотоводством балкарцы занимались горным земледелием, носившим подсобный характер»¹¹⁶, — отмечается в этнографических

¹¹⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 78, 78 об.

¹¹¹ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 99.

¹¹² В. Тепцов. Указ. соч., стр. 164.

¹¹³ М. А. Иванов. Указ. соч., стр. 16.

¹¹⁴ Балкарцам нередко приходилось арендовать земли у кабардинцев для весеннего выпаса, так как трава в горах появляется позже, чем на равнине.

¹¹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 13; Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 12, 29, 32, 84 об., 86 об.

¹¹⁶ Н. Ф. Такоева. Балкарцы. — Указ. соч., стр. 272.

очерках «Народы Кавказа». В изучаемый период в Балкарнии существовали две формы собственности на землю — частная и общественная. По словам Н. А. Гаврилова, «все земли в районе горских обществ составляют собственность или целого общества или частного лица»¹¹⁷.

Земли у балкарцев делились на пахотные («сабанла»), сенокосные («биченликле») и пастбищные («жайлыкъла»). Характерной особенностью для Балкарнии было то, что все земельные участки и пастбища имели свои собственные названия. Фамилии Урусбиевых принадлежали такие участки, как «Джигат», «Камук», Балкаруковым — «Былым», «Кала-кол», «Сокашил», «Жангы-бау», Суншевым — «Бек-Кам», «Аккач», «Чегет-Жора», Шакмановым — «Хары», Айдеболовым — «Кыркала», Этезовым — «Зырдыгат», Ахматовым — «Кая-Баши», Трамовым — «Ургок», Жаникаевым — «Сегешты», Рахаевым — «Укку». По сообщению А. Глашева из сел. Верхняя Балкарния, в недвижимое имущество семьи Уразая Глашева, в которой жил информатор, входили следующие земельные участки: «сабаны» — «Уллу бут сабан», «Эшик ал», «Терек тюбю»; «биченлики» — «Зырых», «Койчулан», «Цаты езени»; всему однофамильному поселку Глашевых принадлежало пастбище «Пытан» и несколько других пастбищ, не имевших названий.

«Сабаны» и «биченлики» располагались вблизи аулов; они были собственностью больших и малых семей. «Поля под посевами,— писал К. Саввич-Заблоцкий,— составляют частную собственность отдельных лиц»¹¹⁸. «Каждая община,— отмечал в конце XIX в. в газете «Казбек» Н. П. Тульчинский,— при месте жительства имеет пахотные и покосные участки, разделенные подворно, а некоторые дворы имеют земли и в других местах»¹¹⁹.

«Вся пахотная земля в Чегемском ущелье,— сообщил нам И. Сарбашев,— находилась в частном владении отдельных семей». Так, например, крупный пахотный участок «Шилтрак» был разделен на четыре части и являлся собственностью четырех семей Толгуровых. Отдельные пахотные и сенокосные земли могли принадлежать не только родственным, но и неродственным семьям: участок «Жора» в Чегемском ущелье был во владении двух фамилий — Муратчаевых и Гудуевых, «Хурс-Хала» — 31 двора разных фамилий, «Эмде» — 12 дворов трех фамилий. «Сабаны» и «биченлики» делились на более качественные и менее. К первым относились те участки, которые находились в районе поселений и усиленно орошались и удобря-

¹¹⁷ П. А. Гаврилов. Указ. соч., стр. 13.

¹¹⁸ К. Саввич-Заблоцкий. Указ. соч., стр. 90.

¹¹⁹ Н. П. Тульчинский. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области. — Газ. «Казбек» Владикавказ, 1899, № 489.

лись; ко вторым — те, которые располагались в менее благоприятных местах. Семейная собственность предполагала монопольное право семьи на те или иные земельные участки. У балкарцев частная собственность на землю возникла из трудовой заимки семьи, обработавшей занятый участок. «Каменистая почва, превращенная в культурную землю чрезвычайными усилиями человека, становилась собственностью лица, производившего очистку от камней, орошение и удобрение почвы навозом, приносимым из других мест»¹²⁰. «По установившемуся издавна местному обычаю, такие земельные участки считаются собственностью их хозяев, так как каждый клочок земли добыт или взят с бою у природы, т. е. расчищен из-под леса, освобожден от камня, удобрен и орошен»¹²¹.

Основная масса крестьянских семей — каракишей, обладая клочками пахотной и покосной земли, попадала в поземельную зависимость от таубиев, так как эти земельные участки не давали минимальных средств для существования. Таубии наделяли своих бывших подвластных крестьян землей при условии выполнения ими определенных повинностей, как правило, выраженных в натуральной форме, а иногда и в денежной, по отношению к владельцу. Земля, наделенная таубием члену своей сельской общины, находилась в наследственном владении крестьянина. Продать землю он имел право только после того, как на это давал распоряжение таубий. Если семье крестьянина по той или иной причине приходилось переселяться в другое ущелье, земля могла перейти к родственной ему семье, но опять-таки при условии выполнения последней повинностей, назначенных таубием. В случае отказа выполнения повинностей новым хозяином или отсутствия родственников данной крестьянской семьи земля снова возвращалась к таубию. Правами условного владения землей пользовались каракиши, ясаки и чагары.

Переделы земель в Балкарии в конце XIX — начале XX вв. производились только в селениях Гунделен и Кашкатау из-за позднего заселения этих местностей. Отдельные дворы имели лишь временное право пользования землей. Распределение «сабанов» и «биченликов» происходило подворно и осуществлялось посредством жеребьевки. Каждая отдельная семья самостоятельно производила сельскохозяйственные работы. Существовавший порядок землепользования требовал установления конкретных сроков пахоты, сева, уборки урожая. После снятия урожая, все частные участки превращались в общинные выгоны для скота.

Пахотные и сенокосные участки в горах Балкарии подвергались тщательной обработке и интенсивному орошению. По-

¹²⁰ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды, стр. 167.

¹²¹ М. А. Иванов. Указ. соч., стр. 15.

ля балкарцы начинали орошать ранней весной. В каждом поселке выбирался надсмотрщик — «сугъарыучу» — «поливальщик». От рек и небольших речушек отводилась целая сеть канавок («илипин»), которые иногда тянулись по несколько километров. Воду для орошения семьи получали по очереди¹²².

Пахотные и сенокосные участки переходили по наследству от поколения к поколению¹²³. В таких случаях балкарцы говорили: «аталадан калгъанды» — «остался от отцов». По мнению И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, собственность на землю в Балкарии стала появляться во второй половине XIX в., что верно только для некоторых селений Баксанского ущелья, так как оно было заселено позже других ущелий. Что же касается Балкарского, Хуламо-Безенгийского и Чегемского ущелий, то здесь частная собственность на землю, как известно, существовала с древнейших времен. По обычному праву балкарцев «сабаны» и «биченлики» считались неотъемлемой собственностью больших и малых семей и посягательство на них было равноценно преступлению. Земельные отношения в Балкарии в связи с особенностями географической среды имели свои характерные черты. Природные условия заставляли местных жителей вести борьбу буквально за каждый клочок земли¹²⁴, и в связи с этим они обносили свои участки каменными ограждениями. Каким непосильным трудом занимались балкарцы при освоении пахотных и сенокосных участков, можно себе представить, посетив Балкарию даже в наши дни. Н. П. Тульчинский, описывая труд крестьянина-балкарца, отмечал, «что ему пришлось бороться с грудями камней, нередко весьма значительных объемов, которые, сложенные в кучу близ полей, так и остались всегдашними свидетелями горского труда»¹²⁵.

После отмены крепостного права все лучшие земли в Балкарии захватили таубни. В книге «Народы Кавказа» в разделе «Балкарцы» отмечается, что в изучаемый период «60% всей пахотной земли принадлежало таубням. В начале XX в. безземельные крестьяне составляли 10%, крестьяне, имевшие пахотные угодья в размере от 0,01 до 0,5 десятины, — 31%, от 0,5 до 1 десятины — 23%, от 1 до 2 десятин — 23% общего числа крестьян»¹²⁶. По словам И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, к 1886 г. пос. Верхний Баксан, состоявшему из 294 семей с численностью населения 2200 человек, принадлежало

¹²² См.: Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 181—182.

¹²³ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 2, д. 43, л. 43.

¹²⁴ См.: Г. Мерцбахер. Указ. соч., стр. 542; Л. Добрускин. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Балкарии.— «Революционный Восток», М., 1934, № 4, стр. 134.

¹²⁵ Н. П. Тульчинский. Экономическое положение зависимых сословий Кабардинского округа, стр. 6.

¹²⁶ Н. Ф. Такоева. Балкарцы.— Указ. соч., стр. 272.

200 десятин пахотных и сенокосных участков. В. Н. Кудашев, изучавший земельный вопрос в Балкарии, писал, что 139 семей балкарских таубиев, представлявших всего 6% населения в четырех балкарских обществах (Балкарском, Хуламском, Безенгневском и Чегемском), владели 500 десятинами пахотной земли, что составляло 20% всей пахотной земли перечисленных выше четырех ущелий, 5762 десятинами покосной земли, или 43% всех покосных участков, и 26 947 десятинами пастбищных угодий, или 30% всех пастбищ. В Баксанском ущелье, как писал В. Н. Кудашев, княжеская фамилия Урусбиевых считала все земли ущелья своей собственностью ¹²⁷.

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЕЙНОМУ ИМУЩЕСТВУ

Принадлежность к единому семейному коллективу и кровнородственная связь членов большой семьи, участие их в трудовой деятельности являлись оправданными моментами при определении имущественно-правовых взаимоотношений в большой семье. А. Асадов отмечает, что «система родства порождает определенные права для известного круга людей, состоящих в родственном союзе, и возлагает на них соответствующие обязанности, соблюдение которых обеспечивается нормами действующего права в данном обществе» ¹²⁸.

Как известно, сегментация больших семей демократического типа характеризовалась формулой, смысл которой состоял в том, что «дети без отцов не делятся», в семьях же отцовского типа раздел происходил по формуле совсем противоположного характера, суть которой заключалась в том, что разделы при живых родителях не практиковались.

Общесемейное имущество большой семьи делилось на идеальные доли братьев, которые приобретали реальность лишь при разделе. Разделы больших семей отцовского типа происходили после смерти «юй таматы», ибо при своей жизни он, как собственник общесемейного имущества, в том числе и личных заработков членов семьи, не давал согласия на раздел. Смерть же главы семьи — отца, которая исключала из раздела одного из основных дольщиков, чаще способствовала разделу общесемейного коллектива. В свою очередь, члены большой семьи, стремясь к накоплению частной собственности, усиливали внутрисемейные разногласия, что в конечном итоге приводило к утрате древнейшего архаического принципа «дети при живом отце не делятся» и к распаду большой семьи. Несмотря на то, что по обычному

¹²⁷ См.: В. Н. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 271.

¹²⁸ Азиз Асадов. Семейное право (по материалам Азербайджана). Баку, 1959, стр. 22.

праву балкарцев дети не имели «права требовать раздела имущества при жизни родителей...»¹²⁹, такие случаи были. При жизни отца раздел происходил обыкновенно в том случае, если отделившийся член большой семьи желал переселиться по экономическим причинам в другое ущелье или же дальнейшая жизнь большесемейного коллектива была невозможной из-за ссор и скандалов. Пока сыновья не отделены, они должны были подчиняться отцу и по законам обычного права не считались полноправными членами патронимии и сельской общины.

В конце XIX — начале XX вв. раздел общесемейного имущества у балкарцев проходил по обычному праву «тау адет», когда же делившиеся были чем-либо недовольны — по шариату. Процессуальное обычное право у балкарцев, веками развивавшееся на базе отсталого натурального и замкнутого по своему характеру хозяйства, при наличии низкого уровня развития культуры и правового сознания народа представляло собой ведущую основу судопроизводства балкарского общества конца XIX — начала XX вв.

По местному адату в Балкарии разбирались судебные дела, связанные с ранением, убийством, кровной мстью, воровством, грабежом, всевозможной порчей вещей, имущественными спорами, похищением невесты. Что касается суда по шариату, то в его компетенцию входили в основном дела, связанные с внутрисемейными отношениями, а именно: разногласия между родителями и детьми, мужем и женой, различные вопросы религиозного характера. Законодательные органы, как и администрация, боясь проявления местным населением недовольства, относились к народным законам благосклонно, в то же время проявляя отрицательное отношение к шариату. И даже после Октябрьской революции, установившей новые советские законы, вопросы семейно-имущественных разделов некоторое время решались преимущественно по обычному праву. Законы шариата не нашли широкого распространения у балкарцев, поскольку шариат содержал в себе более тяжелые формы наказания за совершаемое преступление, нежели это предусматривалось адатом. К тому же местные законы активно поддерживались таубиями, использовавшими их в своих целях, ибо суд по адату, во-первых, приносил им немалые доходы и, во-вторых, был средством политического и экономического притеснения зависимых сословий.

Несмотря на то, что в конце XIX в. вопросы наследства решались по шариату и русским законодательством, обычное право балкарцев все же занимало центральное место и при наследовании. У балкарцев сохранилась народная поговорка, красноречиво свидетельствующая об этом: «Ахыратда жаидан эсе дуния намыс кючлюдю» — «Обычай предков сильнее страха души пе-

¹²⁹ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 567.

ред судом ада». Законы обычного права балкарцев конца XIX — начала XX вв., с одной стороны, отражали взаимоотношения крестьянского населения в обыденной их жизни, а с другой стороны, явно приспособлялись к интересам таубиев. У разных классов и сословий балкарского общества обычаи имели свои особенности, и даже у одних и тех же сословий разных ущелий Балкарнии законы обычного права не всегда были сходны друг с другом. Каждое ущелье имело свои обычаи, законы, передаваемые из поколения в поколение. Обычное право, как и другие общественные институты, не являлось чем-то твердо установившимся. Изменения в адаты часто вносились сознательно, на основании новых общественных договоров.

Несмотря на то, что балкарские адаты были разнородны в разных ущельях, они имели немало общих черт. Некоторые из них, непосредственно касавшиеся темы нашего исследования, мы постараемся проанализировать. Если при разбирательстве дел по адату в том или ином ущелье не существовало каких-либо норм и законов, связанных с какой-то стороной дела, общенародное собрание «тёре» создавало новые. С течением времени, с изменением жизни людей, какие-то элементы отмирали, уступая место другим, новым, следовательно, возникали и новые вопросы, которые не находили отражения в балкарских адатах. Поэтому народный суд вправе был отменить устаревшие, потерявшие реальную силу законы и установить те, которые соответствовали данному времени. В конце XIX в. «тёре» обладало гораздо меньшими функциями, чем до присоединения Балкарнии к России. В те времена «тёре» решало все жизненные вопросы своих граждан.

Научный диалектический подход к некоторым народным обычаям дает возможность понять, что они возникали под влиянием жизненной необходимости, отнюдь не являясь архаическими пережитками.

Законы обычного права в классовом обществе часто меняли свое внутреннее содержание, преобразуясь в выгодные для господствующего класса. Сохраняя свою архаическую форму, народный обычай у балкарцев нередко получал другое содержание. Так, например, таубии превращали обычай трудовой взаимопомощи — в феодальную отработочную и натуральную ренты. Такие обычаи доклассового родового общества, как кровная месть и выкуп, в конце XIX — начале XX вв. в Балкарнии также приняли классовый характер.

После образования с 1822 г. Кабардинского временного суда, а затем с 1858 г. Окружного народного и участковых судов некоторые из балкарцев в случае необходимости обращались в эти суды. И все же суд по обычному праву, по словам всех без исключения информаторов, пользовался большей популярностью.

По обычному праву балкарцев все общесемейное имуще-

ство, как движимое, так и недвижимое, делилось на столько равноценных долей («къарындаш юлюш») — «братская доля», сколько было в семье братьев старшего поколения. При разделе имущества между сыновьями, желавшими выделиться из общего хозяйства, учитывалась прежде всего та часть имущества, которая предназначалась для содержания родителей и незамужних сестер. Эта часть имущества поступала в распоряжение того из братьев, с которым предстояло жить родителям и незамужним сестрам. При этом, если в состав выделенного имущества входили компоненты, представлявшие категорию недвижимого имущества, то впоследствии, после смерти родителей и выдачи замуж сестер, они соответственно распределялись между братьями.

Стремление сохранить общесемейное имущество заставляло членов большой семьи исключать женщин из числа наследников. «Обычное право многих кавказских племен (...кумыков, малкарцев (балкарцев.— А. М.), осетин, черкесов, чеченцев), верное принципу неотчуждаемости дворовой собственности, исключало женщин из числа наследников»¹³⁰, — констатировал исследователь начала XX в. По обычному праву балкарцев считалось большим позором, если сестры претендовали на наследство. «Требование сестры выделить определенную долю из общесемейного имущества при разделе равносильно было оскорблению братьев», — вспоминает Х. К. Атгоев.

Но к концу 60-х годов с усилением роли влияния мусульманской религии принцип неотчуждаемости семейно-родового имущества частично потерял свою силу. Наследуя по шариату, бездетная вдова получала, как правило, четвертую часть всего имущества¹³¹, а вдова, имевшая детей, — восьмую часть общесемейного имущества. Объясняется это тем, что дети тоже наследовали, и доля вдовы, имевшей детей, оказывалась вдвое меньше, чем бездетной вдовы.

Вдова у балкарцев, как правило, редко претендовала на наследство, так как она оставалась в семье мужа, выходя за его младшего неженатого брата. Обычай левирата избавлял семью от расходов, связанных с женитьбой сына, и к тому же дети умершего приобретали покровительство дяди, то есть воспитанием их теперь занимались мать и младший брат отца. Последний также был в этом заинтересован, ибо имущество умершего брата переходило к нему. Вот как объясняется данное явление некоторыми другими современными исследователями. «Обычай левирата, по словам Э. Т. Карапетян, уходя

¹³⁰ Л. Петров. Обычное право и закон на Кавказе.— «Кавказский вестник», Тифлис, 1901, № 1, стр. 30.

¹³¹ «У балкарцев существовала поговорка о том, мол, у вдовы все пожитки под мышкой», — говорит А. К. Тапасханов (1884 г. р., сел. Булунгу).

своими корнями к ранним формам брака, сохранился в новом осмыслении, как способ удержания имущества в пределах родственной группы азг»¹³².

В случае возвращения вдовы к родителям она забирала с собой приданое и часть наследуемого имущества. Если раздел проходил по обычному праву вдова, имевшая детей, оставалась в семье мужа; она продолжала пользоваться теми же правами, что и при его жизни. Если же у нее не было детей, ей оказывали помощь — «асабалык» и по ее желанию либо оставляли в семье, либо разрешали вернуться домой. Имущественные права женщины при разводе зависели как от причин развода, так и от степени вины женщины и мужчины.

По законам шарната девушка при разделе общесемейного имущества наследовала вдвое меньше своих братьев. «В процессе раздела,— рассказывает наш информатор С. Шахмурзаев,— на каждую из сестер приходилась половина доли брата».

При наследовании имущества ближайшие степени родства устранили дальнейшие. Известно, что наследование представляет собой раздел имущества между прямыми наследниками. По обычному праву хозяин имущества лишен права завещать его посторонним лицам, если у него есть прямые преемники. Наследовать у балкарцев могли не все мужчины — члены данной семьи, а представители старшего поколения — отцы.

Выморочное общесемейное имущество наследовалось также согласно родовому принципу ближайшими родственниками умерших. После смерти бездетного мужчины наследниками становились его братья; племянники были лишены права наследования. Если из четырех братьев, живших совместно, умер один, оставив сыновей, то общесемейное имущество делилось на четыре равные части, одна из которых доставалась его детям. Несовершеннолетним наследникам родственники и сельская община назначали опекуна — «осу», обычно из среды близких родственников. Опекунами назначались братья отца (дяди), при отсутствии же последних опекунство брал на себя дядя по матери. По словам того же информатора С. Шахмурзаева, человек, которому доверялось опекунство (в случае отсутствия родственников. — А. М.), обязательно должен был быть той же веры, что и опекаемый, и кроме того, должен был пользоваться доверием и уважением односельчан. При отсутствии у умершего братьев и сыновей, т. е. законных наследников, все имущество доставалось его родственникам. Если у умершего не было родственников, имущество переходило к таубням.

¹³² Э. Т. Карапетян. Родственная группа азг у армян (вторая половина XIX — начало XX вв). Ереван, 1966, стр. 100.

По обычному праву балкарцев во время раздела большой семьи особые привилегии делались старшему и младшему братьям: первому по праву старшинства (у балкарцев во все времена старшинство высоко ценилось), второму — по причине того, что он не был к этому времени, как правило, женат (имеется в виду доля на калым) и к тому же нетрудоспособные родители, если раздел проходил при их жизни, и незамужние сестры после раздела семьи оставались с младшим братом. Размер надбавки старшему («таматалыкъ») устанавливался с согласия всех взрослых членов семьи. В подарок за старшинство отдавали обычно одну корову, несколько овец или лучшего коня. В процессе раздела общесемейного имущества старший брат наследовал фамильную тамгу, т. е. знак коллективной собственности семьи на скот, и оружие умершего отца. Приведем некоторые высказывания наших информаторов: «У балкарцев существовала доля старшего, выражавшаяся натурально в качестве подарка»¹³³. «Старший брат моего отца Гогуй, как «юй тамата», получил двух быков»¹³⁴. «Наша семья разделилась в первые годы XX в. Все имущество было поделено на шесть частей по числу братьев. Мой отец, как глава всей нашей многочисленной семьи, за старшинство получил корову и двух лошадей»¹³⁵. Доля младшего у балкарцев в общесемейном имуществе называлась «кичилик». По обычаю балкарцев, если в момент раздела младший брат не был женат, то ему разрешалось выбирать первым одну из равных долей, на которые было разделено общесемейное имущество; обычно же это право предоставлялось старшему в семье брату. Одаривали у балкарцев также и самого трудолюбивого из членов семьи, проявившего особое усердие в повышении благосостояния семьи.

Когда раздел общесемейного имущества происходил при жизни родителей, что случалось крайне редко, «юй тамата» делил имущество между сыновьями по своему усмотрению. Симпатии к одному из сыновей могли послужить поводом к нарушению норм обычного права. По словам Л. Петрова, произвол родителей в решении любых вопросов, связанных с судьбой детей, наблюдался у осетин, армян, кумыков, балкарцев и других народов¹³⁶. Как сообщил нам житель сел. Верхняя Балкария Х. Геляев, «в разделах больших семей, происходящих при жизни отца, большую роль играло его личное отношение к тому или иному своему сыну». При разделе семьи из братьев собирались и присутствовали наиболее авторитетные старики из родственников и жителей аула для урегулирования

¹³³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 101 об.

¹³⁴ Там же, л. 71.

¹³⁵ Там же, л. 75, 75 об.

¹³⁶ См.: Л. Петров. Указ. соч., стр. 31.

возможных споров в процессе раздела семейного имущества. С. Шахмурзаев вспоминает: «Раздел нашей семьи произошел в 1913 г. после смерти отца. При разделе семьи присутствовали сосед Махиев Мучо и брат матери Мырзакул как свидетели и советчики». Перед разделом делившиеся члены семьи давали обещание, что беспрекословно будут подчиняться решениям выбранных старших. Доверенные же в свою очередь тоже клялись, что все дело будет решено беспристрастно и справедливо.

Каким же образом происходил раздел общесемейного имущества? Обратимся к показаниям информаторов. «Условия раздела,— сообщает Т. Кочкаров (1863 г. р., пос. Терскол),— во всех поселках нашего ущелья были одинаковыми. Делились чаще всего после смерти отца. Все братья получали равноценные доли. Иногда старшему делали подарок». Сообщение Т. Кочкарова подтвердил житель сел. Верхняя Балкария Л. Бозиев (1887 г. р.): «При разделе больших семей не учитывался коллективный состав отдельных семей, живущих общим двором. Часто случалось, что из делящихся трех-четырех братьев не у всех были семьи, а имущество все равно делили между братьями поровну. Но при этом учитывали, что неженатому брату еще потребуются расходы на свадьбу». Информатор из сел. Безенги М. Анаева рассказала о том, что до 1944 г. их семья жила в поселке Шики, где и произошел ее раздел. Делились три брата: Бекмурза (35 л.), Дату (30 л.), Жашко (19 л.). Все они получили равные доли, независимо от того, какой труд был вложен в хозяйство каждым из братьев. Бекмурза работал около двадцати лет, Дату — пятнадцать, а Жашко — каких-нибудь четыре года. За старшинство Бекмурза в придачу к своей доле имущества, по согласию братьев, взял около десяти овец. И только заготовленные на год продукты разделили по числу членов каждой отдельной семьи. Подобным образом, с несущественными отличиями, раздел коллективного имущества происходил в семьях Баллиевых, Биттуевых, Дадуевых, Этчевых, Текаевых и Мечукаевых в Черекском, Байдаевых, Хаджиевых, Локияевых и Тиловых в Баксанском, Кудаевых, Эдоковых, Чегембаевых, Татчаевых и Сарбашевых в Чегемском ущельях. Сама процедура проходила следующим образом: сначала разделу подлежали жилые и хозяйственные постройки. Раздел большой семьи сопровождался переселением отделившихся малых ячеек в специально построенные на данной усадьбой земле небольшие помещения «отоу», которые представляли собой частную собственность отдельных семей. Центральное жилище «улли юй» делить было нельзя — оно считалось неприкосновенным. Информатор из сел. Гунделен А. Жанатаев рассказал нам: «По обычаю дедов, «улли юй» делить категорически запрещалось. В основном жилище семьи, если не было в живых родителей, оставался жить со своей семьей стар-

ший брат». Это объяснялось тем, что прямым наследником отцовских прав был старший сын. Когда же деление происходило при жизни родителей, в «уллу юй» к ним поселялся младший сын. Аналогичные данные сообщили нам старожилы Хуламо-Безенгийского ущелья из семей Султановых, Хочневых, Казиевых, Боттаевых, Жанказиевых, Чеккаевых и Созаевых, рассказавшие, что дом отца оставался брату, бравшему на себя обязанности опекуна над престарелыми родителями, или же, если раздел случался после их смерти,— старшему брату. По обычаю, старший и младший братья являлись хранителями семейного очага.

У балкарцев, карачаевцев, кабардинцев и других народов Северного Кавказа разделившиеся крестьянские семьи нередко оставались жить одним двором. После раздела семьи таубия образовавшиеся новые семьи расселялись, как правило, в различные места своих владений. Они предпочитали жить малыми семьями.

Пережитки родовой собственности у балкарцев в конце XIX — начале XX вв. сохранялись и в порядке наследования земли. При разделе большой семьи пахотные и сенокосные участки, представлявшие наибольшую ценность, старались поделить поровну между делившимися. В селениях, где производились земельные переделы, земли распределялись в соответствии с числом человек в семье каждого брата. Интересным был процесс раздела земли семей «неразделенных братьев». Несколько почтенных жителей аула или близких, старших по возрасту, родственников из числа наследников выбирали того, кто должен был разделить земли на соответствующие числу наследников равные части. Делящий землю получал последним одну из разделенных им долей. После окончательного раздела общесемейного имущества получившие свои доли становились неограниченными хозяевами доставшегося им участка земли и могли заключать любые договоры.

В XIX в. договорное право в Балкарини находилось в начальной стадии своего развития, так как для него не созрели еще необходимые условия. «Обеим народностям (осетинам и балкарцам.— А. М.) известны одинаковые виды договоров и одинаковые виды их обеспечения»¹³⁷. Авторы имели в виду «примитивные» виды договоров — без документального оформления. По договорному праву балкарцев, только «юй тамата» мог решать вопросы, касавшиеся всех имущественных прав семьи, что связывало, в свою очередь, всех совершеннолетних членов семьи теми или иными обязательствами, заключенными главой семьи. Договоры совершались при свидетелях, публично, в торжественной обстановке. Например, при продаже земли хозяин ее в присутствии старейших и наиболее уважаемых одно-

¹³⁷ И. Н. Иванов, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 560.

сельчан произносил слова «тоба болсун», что означало полный и добросовестный отказ от продаваемого участка земли. Из-за отсутствия письменности балкарцы лишены были возможности оформлять бумаги документально. В государственных архивах КБАССР и СОАССР все же встречаются дела, составленные как на арабском, так и на русском языке, хронологически охватывающие конец XIX в.

Разделу из общесемейного имущества не подлежали мельницы, которые оставались в коллективной собственности разделившихся братьев. Доходы, получаемые в результате эксплуатации мельницы, распределялись между братьями поровну. Дорогостоящие средства производства являлись тем связующим звеном, которое еще в конце XIX — начале XX вв. сохраняло частичную имущественную связь между вновь образовавшимися семьями.

На определенном этапе развития большой семьи, наряду с коллективной собственностью всех членов семьи, возникла личная собственность отдельных ее членов. Собственность на индивидуальные предметы появилась раньше, чем на другие виды имущества. В личную собственность входили предметы первой необходимости: одежда, украшения, приданое женщины, домашняя посуда, оружие. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечал, что личная собственность и право наследования уже существовали при матриархате¹³⁸.

Балкарские женщины всегда пользовались большим уважением в семье и обществе. И, кроме того, они обладали определенной личной собственностью. Сюда входило приданое, пополняемое ее трудом в семье мужа. Приданое женщины состояло из имущества, выделенного из общесемейного отцовского дома, которое увеличивалось за счет ее труда и подарков родственников, а также подарков, полученных во время свадьбы от родственников жениха; при этом подарки, делаемые со стороны жениха, и подарки, получаемые после рождения детей и особенно первенца, составляли значительную часть личной собственности женщины. Свое имущество балкарская женщина приумножала за счет вязания и продажи шерстяных изделий собственного производства. Все заработки, которые приносили мужчины — члены семьи, отдавались «кюй тамате», заработанные же женщинами деньги оставались в их личной собственности.

В случае смерти девушки до замужества ее имущество передавалось сестре. Личная собственность женщины переходила в наследство к дочерям, составляя в этом случае их приданое. Если же у умершей женщины не было наследников, имущество возвращалось в ее отцовский дом. Собирать приданое

¹³⁸ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 59.

девушке помогала в основном мать, в некоторых случаях другие женщины семьи. Информатор кабардинского сел. Каменномостское М. Жармова рассказала следующее: «Девушкам балкаркам и кабардинкам готовилось приданое почти с самого рождения. С детских лет уже собирались различные украшения женского туалета. Для этой цели девочке выделяли красиво расписанный сундук». Основу приданого, как мы уже отмечали, составляла доля, выделенная девушке в доме отца: одежда, разного рода украшения, постель, домашняя утварь, ковры, в исключительных случаях скот. «В приданое девушки обычно входили,— говорит информатор из сел. Лечинкай М. Канукоева (1904 г. р.),— национальная одежда невесты, нагрудники, пояс, шапка, вышитые полотенца, серебряный или золотой браслет, цепочка; некоторые элементы движимого имущества — сюда могли входить 2—3 быка, 2 коровы, несколько овец. Богатство приданого зависело от состояния семьи».

Личная собственность женщины, состоявшая из приданого и приобретенного за время жизни в семье мужа имущества, в большой семье принадлежала только ей одной. Так как после замужества женщина, как правило, сохраняла еще некоторую связь со своим родительским домом, то ее родственники контролировали действия мужа по отношению к жене и ее имуществу. Принесенное в семью мужа приданое балкарской женщины по-прежнему считалось собственностью ее прежнего родственного коллектива, что и являлось причиной обособленного положения, занимаемого имуществом женщины в коллективной собственности семьи ее мужа. В работе «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевский писал: «Запрещая мужу убивать свою жену, обычай горцев Западного Кавказа в то же время делает мужа неограниченным владыкой над личностью жены, отнюдь, однако, не над ее имуществом»¹³⁹.

Если в приданое жены входил скот, то муж, вернее семья мужа, обязана была заботиться о нем. В Чегемском ущелье, например, за содержание скота, входившего в приданое жены, какая-то часть приплода поступала в общесемейное имущество.

Большая семья, стремясь сохранить устои коллективной собственности, являвшейся основным условием ее существования, даже на стадии распада по мере возможности сопротивлялась развитию в ней индивидуальной собственности. В семьях с деспотическим характером власти «юй таматы» права детей на свою собственность были ничтожны. «Все заработки,— отмечали в свое время В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский,— делаемые даже на стороне отдельными членами ее

¹³⁹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 143.

(авторы имеют в виду мужчин.— А. М.), поступают в общую казну на покрытие ее издержек...»¹⁴⁰. По сообщению информаторов, как балкарцев, так и кабардинцев, в больших семьях все заработанное кем-либо из членов семьи вне дома поступало в общую собственность семьи. В начале XX в. аналогичный порядок был зафиксирован А. Дарвинским и у чеченцев: «Если один из членов семьи уходит на заработки, он должен принести отцу все заработанное»¹⁴¹.

Заканчивая обзор темы об имуществе и имущественных отношениях балкарцев в конце XIX — начале XX вв., можно сделать вывод, что в зависимости от характера больших семей, то есть деспотического или обладающего демократическими элементами, определялись как внутренняя жизнь семей, так и права отдельных ее членов. Балкарцы жили в основном по народным законам, передаваемым из поколения в поколение.

ГРУППЫ РОДСТВЕННЫХ СЕМЕЙ

При изучении архаических общественных форм не менее важным является вопрос о патронимии. Впервые, как известно, патронимия была изучена и описана М. О. Косвенюм еще в 1931 г. В книге «Семейная община и патронимия» он писал о том, что экспедиционные поездки 1931 и 1932 гг. в Глазовский и Ижевский районы Удмуртской АССР дали возможность выявить неизвестную до тех пор общественную организацию, которая «представляет собой группу семей, больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование»¹⁴². Под названием «патронимия» данная общественная форма, открытая М. О. Косвенюм, и стала известна в советской этнографической науке.

К настоящему времени накопился новый разнообразный материал, дающий возможность более ясно представить себе основные черты патронимической организации в теоретическом аспекте у разных народов в период развивающихся капиталистических отношений.

Особо следует отметить выявление патронимии рядом советских этнографов у народов Кавказа. В. К. Гарданов пишет: «Большую роль в выяснении социального содержания патро-

¹⁴⁰ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 582.

¹⁴¹ А. Дарвинский. Семья у кавказских горцев.— «Записки общества истории, филологии и права при Императорском Варшавском университете», вып. 2. Варшава, 1903, стр. 141.

¹⁴² М. О. Косвенюм. Семейная община и патронимия, стр. 97.

ними и ее исторического места в развитии древних общественных форм и кровнородственных отношений сыграл кавказский этнографический материал»¹⁴³. В. А. Бдоян и Э. Т. Карапетян описали патронимию у армян, Б. А. Калоев — у осетин и агулов, М. М. Ихиллов — у горских евреев, С. Ш. Гаджиева — у кумыков, А. Авдал — у курдов, А. И. Першиц — у кабардинцев, Э. Л. Коджесау — у адыгов¹⁴⁴.

Архивные документы и данные полевых этнографических исследований подтверждают существование патронимии и в Балкарии в конце XIX — начале XX вв.¹⁴⁵ Обозначается она термином «тукъум» (в русской транскрипции — тукум), толкуемым нашими информаторами как «фамилия». Термин «тукъум» сохранился до наших дней в качестве наименования однофамильцев, хранящих память о своем общем происхождении от одного родоначальника. В этом же значении он дается в «Русско-карачаево-балкарском словаре» под редакцией Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева (М., 1965). «Тукъум» у балкарцев — это общественная родственная организация, включавшая в себя большие и малые семьи нескольких поколений по линии мужского родства и ведущая свое происхождение от одного предка, имя которого и носили все семьи, входившие в этот коллектив. Образование тукума у балкарцев в конце XIX — начала XX вв. связано с разделом, а в прошлом с сегментацией увеличившихся в численном и поколенном составе больших семей. Генезис отдельных тукумов своими корнями уходил к одной какой-то конкретной большой семье. Патронимия, являясь следствием распада больших семей, в то же время, разрастаясь, как бы возрождала древний патриархальный род. Отсюда и представление у балкарцев о патронимии (тукуме), как о «фамилии», под которой балкарцы, как и другие народы Кавказа, понимали обычно патриархальный род. В действительности же патронимии, возникнув гораздо позже рода на базе сегментирующихся семейных общин, продолжали существовать и тогда, когда распались большие семьи отцовского

¹⁴³ В. К. Гарданов. Ценный труд по кавказоведению. (М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961), стр. 204—205.

¹⁴⁴ В. А. Бдоян. Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян.— СЭ, 1952, № 1; Э. Т. Карапетян. Указ. соч.; Б. А. Калоев. Агулы. (Историко-этнографическое исследование); его же. Осетины. (Историко-этнографическое исследование); М. М. Ихиллов. Большая семья и патронимия у горских евреев; С. Ш. Гаджиева. Каякентские кумыки.— КЭС, вып. 2, М., 1958; ее же. Кумыки. (Историко-этнографическое исследование); ее же. Семья и семейный быт народов Дагестана; А. Авдал. Патронимия у курдов Армении в XIX в.; А. И. Першиц. Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX в.— СЭ, 1951, № 1; Э. Л. Коджесау. Патронимия у адыгов.— СЭ, 1962, № 2.

¹⁴⁵ ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, дд. 8, 12; Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 33 об., 93 об., 94, 98, 103, 105, 107, 110.

типа. И, как указывает профессор В. К. Гарданов, — «именно патронимия, а не давно уже исчезнувший архаический род, сохраняла до самого недавнего времени на Кавказе представление о кровной близости своих членов, об общности их интересов, подкрепляемое территориальным единством этого общественного коллектива»¹⁴⁶. Патронимия — «тукъум» в известном смысле явилась продолжательницей рода в условиях последующих общественно-экономических формаций.

В конце XIX — начале XX вв. большие семьи в Балкарии претерпевают усиленный распад, в то время как патронимия, легче приспособляющаяся к изменяющимся условиям жизни, оказывается более устойчивой общественной организацией, чем большая семья. Большие семьи как порождение общинно-родового строя в классовом обществе не представляют уже характерного явления, так как общественно-экономические условия классовых формаций не соответствуют сущности данной общественной организации. Патронимия оказывается более жизнеспособной; взаимодействие коллективистических и частнособственнических отношений внутри патронимии менее разрушительно для нее, чем в большой семье. Кроме того, на наш взгляд, сохранность тукума в изучаемый период определялась в большей степени явлениями надстроечного характера патронимии, чем базисных отношений. Остаточные элементы патронимии в качестве традиций продолжают существовать и в современной нам Балкарии, тогда как большая семья окончательно исчезла уже в 30-е годы. И все же именно конкретные социально-исторические условия сыграли решающую роль в сохранении данных общественных форм в период развития капиталистических отношений. Э. Т. Карапетян, исследовавшая патронимию у армян, отмечала, что «существование азга (патронимии.— А. М.) в указанных хронологических рамках обусловлено конкретными экономическими и историческими условиями»¹⁴⁷.

Стадия распада архаических общественных организаций в период развивающихся капиталистических отношений характеризовалась одновременным существованием больших и малых семей, патронимии и соседской общины. В течение многих веков характер, размеры и значение архаических общественных организаций, находившихся под влиянием изменившихся конкретно-исторических условий, соответственно менялись. Между большими и малыми семьями, патронимией и соседской общиной имелось множество форм перехода одних в другие. Образовавшиеся в результате раздела больших семей дочерние семьи сами уже разрастались, проходя стадию развития, во многом аналогичную той, которая была пройдена их

¹⁴⁶ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 205.

¹⁴⁷ Э. Т. Карапетян. Указ. соч., стр. 25.

предшественницами. Результатом этого последовательного по своей сущности процесса являлось образование коллективов родственных семей — патронимий, то есть тукумов.

В связи с отсутствием письменных источников мы не имеем возможности выяснить историю развития патронимии у балкарцев на более ранних ее этапах, но основные ее черты в конце XIX в. нам удалось зафиксировать, исходя из полевых этнографических материалов. Итак, группа родственных семей — патронимия. Восстановленные нами родословные схемы отдельных балкарских фамилий свидетельствуют, что счет родства в ней велся по поколениям мужской линии. Среднее число семей в одном квартале патронимии колебалось от трех-четырех до десяти-пятнадцати. По словам И. Сарбашева, патронимия Сарбашевых состояла из восьми семей. Численность этого родственного коллектива достигала 85 человек. Каждая семья имела свой двор и хозяйство. Все члены названной патронимии носили одну фамилию. Дома их располагались в одном квартале, концентрируясь вокруг семьи старшего брата. Члены данной патронимии называли друг друга дядями, братьями и сестрами.

В сел. Верхняя Балкария патронимия Байсиевых, как нам сообщил Л. Байсиев (1887 г. р., сел. Верхняя Балкария), состояла из трех самостоятельных семей и насчитывала 46 человек. Сначала это был один двор, затем, после раздела большой семьи, усадьбу поделили на три равные части. Трудовые члены патронимии объединялись при уборке урожая, постройке жилищ — «отоу» и различных хозяйственных сооружений, при сенокосе. Аналогичной была и патронимия Хуламановых из сел. Безенги, состоявшая из семей пяти женатых братьев и включавшая в себя 70 человек. В Тура-Хабле, в Верхнем и Нижнем Кюннюме, как свидетельствуют Т. Занибеков, Б. Алтуев и А. Мусуков, «тукъум» Жангуразовых включал в себя 10 дворов, Мусуковых — 9, Тауконовых — 15, Гузовых — 7, Болатовых — 7—8. В пос. Шканти патронимия Тетуевых насчитывала 15 дворов, Цижановых — 13, Ксанаевых — 14, Моллаевых — 10, в Хуламе Ольмезовых — 20 дворов, Чигириных — 12—13, Махиевых — 18—20 дворов. Большими были также хуламские тукумы Биттириных, Гергоковых, Бачиевых.

Как и любая общественная организация, тукум у балкарцев имел свою внутреннюю структуру. Он, как правило, включал в себя несколько ветвей, которые представляли собой как бы отдельные линии, ведущие или от сыновей основателя тукума или от его внуков, и обозначались термином «атаул»¹⁴⁸. Возьмем

¹⁴⁸ В работах, затрагивающих вопросы патронимии, совершенно не учитывалась до сих пор структура этой организации. И, кроме того, авторами патронимия именуется или как «тукъум», или «атаул», или «айырылган къарындаш». Впервые структура балкарской патронимии была описана нами в 1971 г. в статье, опубликованной в альманахе «Шуёхлукъ» (№ 4).

для примера родословную схему фамилии Чочаевых. У основателя тукума Чочая было два сына: Жандар и Жаней. Счет ветви, то есть атаула, начинается со второго поколения, от сыновей основателя тукума Чочая. Каждая из ветвей имела общее название, восходившее к имени родоначальника тукума. Эти ветви и представляли собой группы близкородственных семей, более реально отражавшие общность своего происхождения. Кроме того, их обыденные и хозяйственные отношения были ближе. Ветвь, ведущая от Жандара, представлена была семьями сыновей Жандара и его внуков: семьями Жабо, Кара, Каспо, Гябе, Жамбулата, Имулата, Махмуда и других. Ветвь, идущая от Жанея — второго сына основателя тукума, включала семьи двух сыновей — Альбека и Хоча и, кроме того, семьи внуков Жанея — Иссы, Шонтука и Бийбо.

«Тукъум» Байдаевых (однофамильный пос. Байдаевский) состоял из трех ветвей, ведущих начало от сыновей Биту, основателя тукума, — Даута, Ханука и Аслами. Счет ветвей опять-таки велся со второго поколения.

«Тукъум» Мусукаевых из пос. Орсундак (Чегемское ущелье) состоял из ветвей двух сыновей Мусака: Масхуда и Асхада. Внутри этих ветвей (от Масхуда и Асхада) со временем образовались семьи сыновей, внуков и правнуков родоначальников этих ветвей. Впоследствии две семьи из ветви Масхуда (во второй половине XIX в.) переселились в Баксанское ущелье, в сел. Гунделен. Имя тукума осталось от общего предка — основателя всей фамилии.

✓ На основании полевого этнографического материала нами была частично восстановлена структура тукума однофамильного пос. Глашевых, состоявшего к 1917 г. из 36 дворов. Как явствует из легенды, которую поведал нам информатор А. Глашев, родоначальник Глашевых — Койцу переселился в Балкарское ущелье из Осетии. У него было пятеро сыновей: Айдарук, Ганай, Оразай, Бекир и Картай, которые положили начало пяти ветвям — «атаулам». К сожалению, информатор мог вспомнить имена представителей только двух ветвей, которые были ему ближе.

В сел. Верхний Баксан «тукъум» Гулиевых насчитывал также пять ветвей. Всего в квартале — «тийре» Гулиевых к 1917 г. было 15 семей. «Тукъум» хуламских Созаевых, делившийся на восемь ветвей, занимал восемь кварталов.

Каждая ветвь состояла из более узкой группы родственных семей — «айырылган къарындаш», то есть включала в себя разделившиеся семьи родных братьев. Образно говоря, в эту группу входили семьи, «вышедшие из очага» и имевшие непосредственное отношение к семье — их родоначальнице. В «айырылган къарындаш» входило столько семей, сколько было делившихся братьев или сыновей, в зависимости от того, какого типа была семья.

Изучение структурного деления балкарской патронимии — тукума подводит к выводу о том, что это деление возникло из реальных отношений людей разных степеней родства.

Изложенный выше материал подтверждает образование тукума за счет большой семьи основателя патронимии и в дальнейшем раздела больших семей его потомков. Представляется необходимым отметить, что патронимия — удивительно своеобразная организация, способная не только приспособливаться к изменяющимся историческим условиям, но и — создаваться как бы заново. И это качество патронимии настолько сильно, что ее действительно трудно назвать пережиточной. Но, как бы то ни было, она не является новым образованием, ее корни уходят к первобытно-общинному строю, хотя образование происходит постоянно с разделом большой семьи. На наш взгляд, о первоначальной форме патронимии в Балкарии в некоторой степени напоминает наиболее близкородственная группа семей конца XIX—начала XX вв. — «айырылгъан къарындаш». Общее между ними — в степени родственной близости семей. Так, при сегментации большой патриархальной семьи и разделе большой семьи отцовского типа, т. е. большой семьи позднего периода, сохраняются более тесные связи, чем, скажем, в таких родственных формах патронимии, как «атаул» и «тукъум». Общественные организации «атаул» и «тукъум» появляются гораздо позднее, и связано это с увеличением числа родственных семей и естественным их отдалением в родственных отношениях. Уже к середине XIX в. круг родственных семей настолько увеличивается, что название патронимии — тукума сводится к «фамилии». И с этого же времени термин «фамилия» входит в литературу, обозначая представителей одного тукума как однофамильцев. На самом деле «фамилия», о которой идет речь, не что иное, как патронимия с широким кругом родственников. Даже сегодня у балкарцев, как утверждают сами балкарцы, однофамильцев нет. Если встретились люди с одинаковыми фамилиями, они родственники.

ФОРМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПАТРОНИМИИ

Для патронимии, образованной из раздела большой семьи, характерна и определенная форма расселения. Естественно, что разрастание родственных семейных коллективов влекло за собой превращение отдельных дворов в кварталы, заселенные несколькими родственными семьями, носившими общее семейно-родовое наименование. В конце XIX — начале XX вв. в балкарских селениях был широко распространен поквартальный порядок расселения семей тукума. То же мы наблюдаем «в Черноморской Шапсугии, в области древнего расселения адыгов, аулы состоят из родовых кварталов, или уцеллий, каждый из которых населял особый род, состоящий из нескольких

патронимий»¹⁴⁹. А вот что писал в 1915 г. об одном из аулов Карачая редактор Закавказского статистического комитета, а в советское время профессор Ленинградского государственного университета Г. Ф. Чурсин: «Как и остальные аулы Большого Карачая, Карт-Джурт состоит из целого ряда отдельных кварталов, разбросанных иногда довольно далеко друг от друга. Каждый квартал обыкновенно бывает населен членами одной фамилии, и самый квартал носит название этой фамилии»¹⁵⁰.

Образованию родственных кварталов способствовали как раздел больших семей и компактное расселение вновь создавшихся дочерних семей, так и характерный для Балкарии хуторской тип поселений. В селениях, отличавшихся большой населенностью (Гунделен и Кашкатау)¹⁵¹, территориальное единство патронимий особенно проявлялось в поквартальном расселении.

В конце XIX в. многие патронимические кварталы начали терять свою однородность. Постепенно ослабевавшие экономические связи родственных коллективов — тукумов соответственно усиливали распад фамильных кварталов. Развитие новых общественно-экономических отношений, способствовавших изменению производительных сил и вступавших в конфликт со старыми производственными отношениями, со старой коллективной формой организации труда, усиленный прирост населения, сопровождавшийся сокращением свободных земель на территории патронимии и сельской общины, являлись в изучаемый период основными причинами распада патронимии и родственных кварталов. Информатор З. Этезов вспоминает, что в пос. Гедурги в квартале Гелястановых жила семья Жапукаевых, а в квартале Трамowych находились два двора Газаевых. В пос. Шканы семья Цораевых жила в квартале Хозаевых, семья Тышхановых — в квартале Цоцаевых, две семьи Цраевых — в квартале Газаевых. Двор Чувожковых в Нижнем Кюннюме располагался на территории квартала Герневых, в чужих кварталах также жили Сабанчиевы и Буштоковы. Аналогичной была картина в селениях и поселках Баксанского ущелья. В сел. Гунделен до революции, по словам А. Жана-таева, в их квартале жили Атаевы, Кетенчиевы и Энеевы, а после революции поселилась еще семья Ботока Мусукаева. В этом же селении Толбаевы занимали часть квартала Текуевых,

¹⁴⁹ Э. Л. Коджесау. Указ. соч., стр. 116.

¹⁵⁰ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай.— ИКОРГО, Тифлис, 1915, т. 23, № 3, стр. 251.

¹⁵¹ Образовались эти поселки после крестьянской реформы 1867 г. в связи с обезземеливанием основной массы крестьян в Балкарии (Н. Харузин. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки.— ВЕ, 1888, т. 6, стр. 182; Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нач. XX вв. М., 1974, стр. 229, 236; ЦГА КБАССР, ф. 4, оп. 1, д. 38, л. 3 об.).

состоявшего из 5—6 дворов. В квартале Гулиевых (сел. Верхний Баксан) жили Байзуллаевы. Смешанные кварталы встречались и в поселках Гирхожан, Актопрак, Кекташ, Быжмылги, Мухол, Коспарты, Тубенель, Сауту, Тотур и многих других.

Информатор Т. Кочкаров из пос. Терскол (однофамильный поселок.— А. М.) сообщил, что в их поселке неродственных семей не было и что данное явление было больше характерно для селений и поселков, состоявших из нескольких тукумов разных фамилий. По словам многих информаторов, в конце XIX — начале XX вв. родственные семьи уже были разбросаны или по всему селению, или же по всему ущелью. Это явление, конечно, объяснялось и тем, что в данный исторический период семья выступала как более самостоятельная в экономическом отношении ячейка общества. Многие семьи переселились из Хуламо-Безенгийского и Чегемского ущелий в районы Хасаны, Белой Речки, Яникоя и Баксанского ущелья¹⁵². Но в некоторых случаях локальность в пределах родственной группы «айырылган къарындаш» сохранилась и до сегодняшнего дня: родственные группы семей Темужуевых и Тауженовых в сел. Верхняя Балкария Агаевых, Кучуковых и Дондуевых в сел. Верхний Чегем, Хуламхановых в сел. Безенги, Будаевых в сел. Верхний Баксан.

Разделялись родственные кварталы между собой естественными границами, т. е. речушками, оврагами, пологими склонами и т. д. В сел. Булунгу (Чегемское ущелье), по сообщению информатора З. Этезова, таких кварталов к 1917 г. насчитывалось 25, каждый из которых был заселен представителями разных фамилий. Там жили Этезовы, Мусукаевы, Сарбашевы, Аппаевы, Атакуевы, Анаевы, Тапасхановы, Мокаевы, Суюмбаевы, Селяларовы, Чегембаевы, Кетенчиевы, Геттуевы, Эльбаевы, Даттуевы, Теппеевы, Баразовы, Жеттеевы, Атаевы, Энеевы, Кулиевы, Зарашуевы, Жанатаевы, Чипчиковы. Поселок Шканти (Балкарское ущелье) состоял из кварталов семей следующих фамилий: Хыбиевых, Амырхановых, Газаевых, Гетуевых, Мемохаевых, Зумакуловых, Хозаевых, Гороевых, Цорраевых, Цикановых, Курмановых, Цраевых, Апшаевых, Мырзаевых, Чочаевых, Шоулуховых, Ксанаевых, Гегневых, Моллаевых, Мусуковых, Итиевых, Койбаевых. В Хуламо-Безенгийском ущелье, на месте давно уже разрушенного пос. Хулам, с помощью нескольких старожилов, ныне живущих в сел. Безенги, автором был восстановлен схематичный план поквартального расселения этого населенного пункта, куда входили Созаевы, Биттировы, Бачиевы, Гергоковы, Кучмезовы, Бозиевы, Гуртуевы, Ольмезовы, Махневы, Чигпировы, Джантуевы, Аппоевы, Таймаскуловы, Кайгермазовы, Бабаевы и др.

¹⁵² Наш полевой материал 1972—1975 гг.

С ослаблением родовых пережитков принцип локального поселения постепенно утрачивал свое организующее значение, и переселение отдельных родственных групп или семей за пределы фамильного квартала или поселка принимало большие размеры, т. е. становилось уже вполне закономерным. Между тем, моногенные поселения все еще продолжали бытовать как в виде патронимических, так и в виде однофамильных поселков. Хотя в изучаемый нами период основная масса поселений была полигенной, встречались также и однофамильные патронимические поселки. В Балкарском ущелье — это пос. Темукуевых, Глашевых, Башневых, в Хуламо-Безенгийском — пос. Жабоевых, в Чегемском — Эличир и Джарилги, в Баксанском — Кызген, Иткол, Губасанты, Гирхожан, Мукулан, Тютю-Су, Гижгит, Шашбават, Байдаевское, Терскол. Они, как правило, находились на небольшом расстоянии друг от друга. К настоящему времени из всех названных таких поселков в Балкарии остался один — Байдаевский. В литературных источниках об одном из таких однофамильных поселков — Ахматовка — упоминается в работе Б. Далгата «Поездка к Чегемским ледникам (Центрального Кавказа)». По мнению Б. Далгата, однофамильные поселки в Балкарии образовывались путем последовательных разделов разросшихся семей; отделившиеся семьи поселялись на свободных местах, в связи с отсутствием свободных земель как на территории патронимии, так и всего поселка. «Не лишено интереса проследить за образованием таких поселков. Какое-нибудь семейство свободного населения, проживающее в большом ауле, размножается и, не имея возможности жить в одном доме, принуждено бывает или жить в разных домах или же выселиться из аула в окрестности его, где и устраивается; последнее предпочитается ради сохранения рода, вернее семейной общины...» И далее: «По недостатку земли за последнее время Чегем стал выселять из своей среды колонии или выселки». Таким же образом произошло образование однофамильных поселков Губасанты и Кылды (Баксанское ущелье), которые обязаны своему появлению переселением из Хуламо-Безенгийского ущелья разделившихся семей Тиловых и Жаплуевых. Аналогичное объяснение мы находим в этнографических очерках «Народы Кавказа»: «Так как земли было мало, то от разросшихся аулов отпочковывались отселки, находящиеся часто далеко от основного поселения»¹⁵³.

Таким образом, естественное разрастание больших семей, увеличение числа поколений приводили к изменению плотности населения, разделам семей и территориальному их обособлению, т. е. появлению новых выселок. В основном все эти однофамильные поселки, без сомнения, позднего образования:

¹⁵³ Н. Ф. Такоева. Балкарцы. — Указ. соч., стр. 282.

их нельзя путать с родовыми поселениями Балкарии далеких от нас веков.

И все же полигенных селений в Балкарии было гораздо больше¹⁵⁴. По мнению А. И. Робакидзе, «балкарские села отличаются ярко выраженной полигенностью, оформление которой началось задолго до крестьянской реформы»¹⁵⁵. Разрушаясь, населенные пункты моногенного характера приводили к утверждению сельских общин. Сельская община «эл жамауат», территориально охватывавшая все населенные пункты одного какого-либо ущелья, занимала важное место в общественной жизни балкарцев.

В начале XX в. в балкарских ущельях насчитывалось, по нашим материалам, 78 селений и поселков. Они располагались как на крутых склонах ущелий, т. е. потеррасно, так и на более или менее ровной местности. Соотношение тех и других было примерно равным. Специальные исследования всех населенных пунктов Балкарии, ныне существующих и разрушенных, показали, что 41 поселение было расположено на относительно горизонтальных местах, 10% можно отнести к полутеррасным, остальные были террасообразными. На планировку балкарских населенных пунктов непосредственное влияние оказывали географические условия. При этом местные жители при заселении того или иного района обязательно учитывали возможные условия для занятия хозяйством. Любому впервые попавшему в балкарское село сразу же бросается в глаза то, что оно пересекается в 5—6 местах небольшими речушками, вытекающими из боковых ущелий. М. А. Иванов, побывавший в Баксанском ущелье в 1902 г., писал: «С оглушительным грохотом из бокового ущелья вырывается горный лоток Курхужан и, пересекая дорогу, пенистыми каскадами спадает в Баксан»¹⁵⁶. Тут же, по словам автора, «гнездились» отселок из 44 дворов. В поселке и вокруг него небольшими квадратиками или полосами виднелись пахотные и сенокосные участки. Аналогичное описание принципа балкарских поселений можно встретить и в работах других дореволюционных исследователей и путешественников. В связи с этим вызывает сомнение утверждение Н. Ф. Таковой, автора раздела «Балкарцы» в книге «Народы мира. Этнографические очерки», о том, что «в прошлом балкарские селения (эл) располагались в местах, малоудобных для хозяйственного пользования»¹⁵⁷. Вернее и точнее сказать, что ограниченность пригодных для хозяйства земель заставляла балкарцев строить жилища на каменистых местах. Однако нельзя встретить ни одного селения или поселка, который бы находился в зоне обвалов и лавин.

¹⁵⁴ См.: Н. И. Березин. Кавказ (Природа и люди). Пг., 1919, стр. 36

¹⁵⁵ А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 196.

¹⁵⁶ М. А. Иванов. Указ. соч., стр. 10.

¹⁵⁷ Н. Ф. Такова. Балкарцы.— Указ. соч., стр. 282.

Улиц в аулах не было¹⁵⁸, ибо дома строились не по определенному плану, а сообразно с рельефом местности. Постройки со стороны представляли скученный тип поселения¹⁵⁹. Балкарские аулы именовались в основном по названию той местности или реки, где они находились. М. А. Иванов приводит наименования притоков реки Баксан: Тютю-Су, Иткол, Киртык, Юсенги, Адыл-Су, которые были даны соответствующим поселкам. Однофамильный поселок чаще назывался по фамилии, которая жила в нем (Жабоево, Глашево, Ахматовка, Байдаевский). В конце XIX — начале XX вв. встречались поселки, которые носили имя одной или нескольких родственных семей в ауле, хотя он состоял из нескольких фамилий (Урусбиево)¹⁶⁰. Ниже поселков располагались пахотные участки — сабаны, по сторонам и выше их сенокосные — биченлики. В общем владении селений находились леса, некоторые из отдаленных пастбищ, реки.

Сельская община имела определенное место схода — «ныгыш»¹⁶¹ (в русской транскрипции — ныгыш), представлявшее собой площадь, наиболее удобную для общественных сборищ. Небольшие площади-ныгыши были также в каждом селении. Что касается ныгышей отдельных тукумов, то они устраивались около двора старшего патронимии. Семи-восемидесятилетние старики еще помнят, в каком месте их селений находился ныгыш и что из себя он представлял. Так, С. Хапаев (1893 г. р.) рассказал, что ныгыш в сел. Гунделен представлял собой обыкновенную площадку, обложенную с одной стороны большой величины камнями без всяких строений и навесов. Благодаря местным жителям автору удалось найти, обследовать и в некоторых случаях сделать зарисовки ныгышей во многих ныне заброшенных и разрушенных поселках Балкарии (Кекташ, Жуунгу, Н. Чегет, Фырдык, Н. Ишканти, Зылгы, Курноят, Тотур, Тубенель, Шаурдат, Кам, Озень).

В сельском сходе участвовали мужчины от 25 до 100 лет и выше. Женщины участия в нем не принимали. На сборе обсуждались важные вопросы для всей сельской общины: административного характера, распределение между семьями поселка общественных повинностей, оплата налогов и др. В период военной опасности на ныгыше создавалось народное ополчение. В мирные и обыденные дни мужчины проводили здесь свободное время, обменивались новостями. На ныгышах устра-

¹⁵⁸ Полевой материал 1972 г.

¹⁵⁹ См.: А. Ф. Ляйстер и Г. Ф. Чурсин. География Кавказа.— Природа и население. Тифлис, 1924, стр. 327.

¹⁶⁰ Сел. Урусбиево (сейчас селение Верхний Баксан) к 1902 г. состояло из 100 дворов (М. А. Иванов. Указ. соч., стр. 11).

¹⁶¹ См.: А. И. Мусукаев, С. О. Шахмураев. Сельская община.— Газ. «Коммунизмге жол», 1974, 21 сентября (№ 186).

ивались спортивные состязания, выступали певцы и музыканты, устраивались народные танцы. В конце XIX — начале XX вв. в каждом обществе, помимо совета старейших представителей тукумов, был глава всего общества — старшина со своими подчиненными и писарем. Старшина назначался официальными властями. В его распоряжении находились все поселки и селения ущелья.

ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩНОСТИ СЕМЕЙ ТУКУМА

В конце XIX — начале XX вв. в Балкарии еще весьма отчетливо проявлялось общественное единство патронимии, выражавшееся в том, что каждый «тукъум» обладал своими органами управления. Старший член патронимии «тукъум башы» или «къязан баш» (что в переводе значит «глава рода») был самым авторитетным и уважаемым лицом, с которым принято было советоваться во всех важных случаях жизни. Он являлся судьей в конфликтах между отдельными семьями, у него обычно собирался совет тукума, и все дела решались при его непосредственном участии. «...У балкарцев, — писал М. О. Косвен, — все важнейшие общие дела патронимии обсуждались и решались в доме самого старшего и влиятельного лица патронимии, под непосредственным его руководством. Этот дом назывался «уллу юй» — «большой дом», или «тамата юй» — «старший дом». При этом, соответственно важности обсуждаемого дела, увеличивался или уменьшался численный состав собравшихся старейшин патронимии. Глава патронимии у балкарцев не был выборным, им был старший по возрасту»¹⁶². На патронимических собраниях решались различные вопросы хозяйственного характера, обсуждались дела и проступки членов патронимии, вопросы брака, взаимопомощи, участия в общественных делах сельской общины.

Важную роль во внутренней жизни патронимии играла старшая женщина «къарт анабыз». К ней обращались женщины тукума с различными просьбами и за советами по поводу разных хозяйственных и семейных дел. Во время праздников или торжественных событий «къарт анабыз» всегда была хозяйкой проведения того или иного мероприятия. То же самое наблюдалось и у шапсугов, одного из адыгских племен, у которых «старшая женщина патронимии называлась бысым гуаше — «княгиней дома»; к ней обращались за советом все женщины патронимии, она была главной хозяйкой-распорядительницей в любой семье патронимии во время овадьбы, похорон, поминок и пр., она была обязательной советчицей при выборе жениха или невесты и т. п.; у нее нередко собирались вместе все

¹⁶² М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 200.

женщины патронимии, пекли пироги и ели за общим столом»¹⁶³. У ингушей «большим почетом и уважением среди женщин и молодых мужчин патронимии пользовалась также старшая женщина»¹⁶⁴.

Хотя образовавшиеся при разделе большой семьи дочерние семьи становились самостоятельными коллективами, они в то же время продолжали сохранять между собой некоторые черты экономической общности. Экономическое единство семей патронимии конца XIX — начала XX вв. выражалось в сохранении института взаимопомощи. «Эта черта, — писал М. О. Косвен, — особо стойко сохранялась в быту народов Кавказа даже тогда, когда патронимия испытывала уже глубокий распад»¹⁶⁵. Организация крестьянского хозяйства велась как большими семьями, так и производственными коллективами, включавшими несколько семей, часто это были родственные семьи патронимии¹⁶⁶. Институт взаимопомощи в быту балкарцев и других народов Кавказа имел исключительное значение¹⁶⁷. «Члены патронимии, — читаем мы об ингушах, — оказывали помощь друг другу во время полевых работ, свадьбы, похорон и т. д.»¹⁶⁸. «Аварцы в Дагестане прибегают к помощи соседей и родственников в целом ряде работ: таковы, например, унавоживание полей, лущение и молотба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной саклей, набрасывание на их крыши земли и т. п.»¹⁶⁹.

Усиливавшийся распад больших семей в конце XIX — начале XX вв. заставлял образовавшиеся малые семьи, более слабые в экономическом отношении, объединяться в производственные коллективы. Производственная взаимопомощь в этот период чаще всего касалась группы родственных семей «айырылгъан къарындаш», хотя общественное и идеологическое единство сохранялось в пределах группы тукума. В трудных экономических условиях сельской жизни того времени крестьянам приходилось объединяться по три-четыре семьи для сельскохозяйственных работ. Это давало возможность восполнить недостаток той или иной семьи в рабочей силе, сельскохозяй-

¹⁶³ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 201.

¹⁶⁴ Б. А. Калоев. Ингуши — В кн.: «Народы Кавказа» (серии «Народы мира»). Этнографические очерки, т. I. М., 1960, стр. 384.

¹⁶⁵ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 198.

¹⁶⁶ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 12 об., 14 об., 19 об.

¹⁶⁷ См.: А. М. Ладыженский. Адагы горцев Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1946, стр. 478; А. С. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 270, 276; А. И. Першиц. Указ. соч., стр. 177; М. О. Косвен. Патронимия и ее роль в истории общества, стр. 3; Е. С. Зевакин. Лакцы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. I, стр. 499; его же. Лезгины. — В кн.: «Народы Кавказа», т. I, стр. 514.

¹⁶⁸ Б. А. Калоев. Ингуши. — В кн.: «Народы Кавказа», т. I, стр. 384.

¹⁶⁹ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 27.

ственном инвентаре или рабочем скоте путем взаимной ссуды. Так, в Эльтюбю Чегемского ущелья для обработки своих земельных участков объединялись представители трех фамилий: Осман Шахмурзаев (отец нашего информатора С. Шахмурзаева), Нану Кучуков и Исхак Келеметов. Первый предлагал двух быков и двух работников, второй — соху и одного работника, третий — двух быков и соху. В таких трудовых объединениях участвовали Кулиевы — Мырзакул, Атаби, Ахмат, Шувачев и Дока. Они вместе пахали и косили. Объединялось в производственные коллективы разное количество семей, при этом нередко учитывались трудовые и материальные возможности семьи. Происходило объединение на разное по своей продолжительности время; в зависимости от договора обрабатывалось соответствующее количество земельных участков и так же делился урожай. Принцип организации производственных товариществ в общих своих чертах был одинаков во всех ущельях Балкарии. Объединение семей при пахоте являлось разновидностью трудовой помощи в земледельческих работах и было широко распространено у всех народов Кавказа. Изучавший этнографию Кавказа Г. Ф. Чурсин в 1913 г. отмечал, что «различные формы трудовой помощи при земледельческих работах составляют довольно распространенное явление и среди различных народностей Кавказа»¹⁷⁰. При такой форме взаимопомощи учитывались активность и старание участников работы.

Патриархально-общинные традиции находили свое отражение в Балкарии в совместном выпасе овец и формах пользования пастбищами. Принцип коллективной организации труда по выпасу скота был наиболее устойчив, эффективен и обходился дешевле, так как в конце XIX—начале XX вв. в горах Балкарии насчитывалось всего три общинных пастбищных участка¹⁷¹, и то не самые лучшие; все остальное принадлежало таубиям. Платили за пастбища, на которых производился выпас, в зависимости от числа овец, принадлежавших каждому из компаньонов. Трудовые общества организовывались не на равных правах, поскольку имущественная дифференциация семей патрионимии в этот период значительно усилилась. Наиболее распространенной в организации выпаса овец была форма, при которой экономически слабые хозяйства присоединяли свои стада за определенную сумму к стаду наиболее зажиточной семьи своей или чужой патрионимии или таубия. «Для выпаса скота,— отмечается в этнографических очерках «Народы Кавказа»,— объединялись вместе три-четыре двора, ко-

¹⁷⁰ Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 24.

¹⁷¹ См.: Евг. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды — ГазТВ, 1895, № 21.

горы часто были вынуждены арендовать земли у таубиев и кулаков»¹⁷².

Общинные пастбища эксплуатировались с учетом принципа их коллективного пользования, и такой порядок сохранялся до революции. Элементы коллективной организации проявлялись при выпасе скота в Балкарнии более устойчиво, чем в земледельческом труде, что объяснялось захватом таубнями пастбищ. При складывавшихся новых отношениях имела место эксплуатация богатыми семьями бедных внутри патронимии. Всякого рода производственные товарищества по выпасу овец, обработке земли и сенокосению образовывались балкарцами по признаку как родственных связей, так и соседских отношений.

Наряду с взаимопомощью, строившейся на родственных началах (патронимических), в Балкарнии в рассматриваемое время существовала взаимопомощь, построенная на территориальном принципе (соседская взаимопомощь). Но эта помощь, по сравнению с помощью в пределах патронимии, в которой должен был принимать участие каждый родственник, не была строго обязательной¹⁷³. Формы взаимопомощи в Балкарнии были разнообразными и распространялись на все виды хозяйственных работ. Взаимопомощь проявлялась при нахоте и уборке урожая, при постройке нового дома, при женитьбе и похородах; кроме того, взаимопомощь применялись и во время междусельских работ, например, при постройке мостов, создании оросительных систем, при устройстве дорог.

У балкарцев была распространена взаимопомощь как между семьями, так и односторонняя коллективная помощь, которая оказывалась нуждавшимся семьям, например, разорившимся или вдове с малолетними детьми. По словам Б. Далгата, если «кто-либо, потеряв во время падежа большую часть своего стада, вновь становится самостоятельным, [то] потому, что соседи, по обычаю, должны ему дать от себя по одной штуке овец, коров или быков»¹⁷⁴. «Родовая (автор имел в виду патронимическую. — А. М.) помощь в случае бедствия отдельных членов рода или же при их нужде в помощи была обязательна»¹⁷⁵. Полевые материалы подтверждают тот факт, что при разорении одной из семей аула ее имущество восстанавливалось за счет помощи родственников и соседей. Помощь была сугубо добровольной, в особенности со стороны соседей, и, как говорят информаторы, «люди исходили из мотивов совести».

¹⁷² Н. Ф. Такоева. Балкарцы. — Указ. соч., стр. 272.

¹⁷³ См.: Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 23.

¹⁷⁴ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 12.

¹⁷⁵ Ислам Тамбиев. О родах и сословно-феодалных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации — Ж. «Революция и горцы». Ростов н/Д., 1931, № 12(38), стр. 94.

Коллективную помощь применяли обычно и тогда, когда не было необходимо было выполнить ту или иную работу в сжатые сроки и если одна семья не в состоянии была справиться с этой работой. Коллективная помощь распространялась на все виды работ, требовавших большого количества рук. В связи с этим широкое распространение имела традиция трудовой взаимопомощи «кисеу». В этом мероприятии принимали участие как мужчины, так и женщины. Мужчины оказывали помощь при постройке дома, хозяйственных сооружений, стрижке овец и т. д., а женщины — в обработке шерсти, изготовлении бурок, войлоков и других изделий. Процесс производства этих изделий, в основе которого лежал ручной труд, требовал участия в работе определенного числа рабочих рук. Такая помощь основывалась на добровольных началах, хотя в обществе было принято обязательное участие всех членов в данном мероприятии. Взаимопомощь «кисеу» начиналась с того, что какая-либо семья объявляла родственникам и соседям о решении начать ту или иную работу и что она просит помочь ей в этом. После окончания работы хозяева и их ближайшие родственники должны были накормить всех обедом. Помогая соседям, люди знали, что если им когда-либо потребуется помощь, то она им будет тоже оказана. К сожалению, эти прекрасные традиции народа, в частности, различные формы взаимопомощи, использовались табуями в целях эксплуатации крестьянского населения, в своих корыстных целях.

Представители господствующих классов институт взаимопомощи приспособляли к личным интересам. Помощь в данном случае, как правило, была односторонней. Так, у даргинцев «вследствие значительной имущественной дифференциации все совместные работы и виды взаимопомощи имели в большей мере односторонний характер»¹⁷⁶.

Кроме различных форм взаимопомощи, в качестве пережитков былой хозяйственной и экономической общности в этот период в Балкарии выступают формы пользования мельницами и другими дорогостоящими средствами производства. Патронимическая собственность на поздней ступени развития патронимии предполагала совместное владение лишь второстепенными и дорогостоящими средствами производства¹⁷⁷. Патронимия в конце XIX — начале XX вв. отличалась от большой семьи тем, что обладала лишь частичной общепатронимической собственностью. По мнению А. И. Робакидзе, «ограничение общей собственности патронимии лишь второстепенными средствами производства суживало рамки ее общности в сфере хозяйственных интересов. Этими основными чертами патронимия от-

¹⁷⁶ А. Алиев. Даргинцы. — В кн.: «Народы Кавказа» (серии «Народы мира»). Этнографические очерки), т. I. М., 1960, стр. 479.

¹⁷⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 34 об., 35.

личается, с одной стороны, от рода, а с другой — от большой семьи»¹⁷⁸.

Мельницы могли принадлежать всему тукуму или одной его ветви — атаулу в зависимости от того, была ли она построена родоначальником тукума или же его потомками. Так, в пос. Байдаевском к 1917 г. работала одна мельница, построенная Арыком — внуком родоначальника тукума Байдаевых Биту. Ею пользовались на равных правах семьи его сыновей — Зекерьи, Жашко, Чотая и Сулеймана, тогда как остальные члены тукума только за определенную плату¹⁷⁹.

Общетукумными считались две мельницы в пос. Глашевых, состоявшем из 36 дворов. Эти мельницы были построены основателем тукума — Койцу. После раздела большой семьи Койцу на пять дочерних семей мельницы перешли в пользование всех этих семей. К началу XX в. круг родственных семей, обладавших правом пользования мельницами, расширился до 36.

Патронимические мельницы эксплуатировались родственными семьями-дольщиками поочередно, в зависимости от их числа, т. е. от числа семей, которые имели равные права на ту или иную мельницу. Доход от использования мельницы другими семьями зависел от количества переработанного зерна. В конце XIX — начале XX вв. патронимических мельниц было очень мало, так как в связи с усилением имущественного неравенства нарушался принцип патронимического пользования ими. Более сильные в экономическом отношении семьи либо строили новые мельницы, либо откупали права владения ими у родственных семей, которые в дальнейшем пользовались этими мельницами уже за плату.

Хозяйственное и экономическое единство балкарского тукума заключалось и в существовании в изучаемый период таких институтов родового строя, как право родового выкупа и право предпочтительной покупки. М. К. Абаев писал, «что ввиду сохранившегося и поныне в горских обществах быта преимущественное право на покупку, на бегендное и ортакское право земель и усадеб принадлежит родственникам по мужской линии собственника недвижимости, а затем смежным владениям»¹⁸⁰. Суть этого обычая состояла в том, что родственники имели больше прав на покупку имущества, принадлежавшего одной из семей тукума в случае его продажи. При этом особо учитывалась близость родства.

Существенное значение в Балкарии имел порядок, связанный с правом родового выкупа, суть которого заключалась в том, что проданное имущество одной из семей тукума могло

¹⁷⁸ А. И. Робакидзе. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа, стр. 94.

¹⁷⁹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 30, 30 об.

¹⁸⁰ М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 618.

быть выкуплено ее родственниками. Однако это разрешалось в том случае, если родственники предварительно не были оповещены о продаже. В случае, если продажа состоялась, но кто-либо из родственников хозяина предъявлял протест против совершенной сделки, мотивируя тем, что не был оповещен о сделке, имущество возвращалось с условием выплаты той суммы, за которую оно было куплено. Аналогичное право распространялось и на соседей. «...Соглашение состоялось,— отмечали И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский,— имущество продано, и все же каждый из домочадцев может помешать бесповоротному владению им со стороны покупателей; для этого достаточно выплатить ему покупную цену. Такое право принадлежит впрочем не одним родственникам, но и соседям, жителям одного аула...»¹⁸¹. То же самое было зафиксировано в 1908 г. членами Абрамовской комиссии: «Каждый из членов семьи может выкупить обратно имущество, возвратит покупателю уплаченную им сумму...»¹⁸². В докладной записке от 28 мая 1886 г. Временного отделения Нальчикского горского словесного суда старшему помощнику начальника Нальчикского округа сообщалось о продаже пахотного участка Амирханом Шакмановым из Хуламского ущелья своему односельчанину Ибрагиму Муллаеву за 400 рублей. Несмотря на то, что продажа состоялась в присутствии свидетелей и при предварительном оповещении всех родственников хозяина земли, братья Амирхана — Минбулат, Таукан и Шакман возбудили дело о перекужке проданного участка. Справедливым решением горского суда дело было закончено в пользу Ибрагима Муллаева¹⁸³.

Особую роль данный юридический институт играл в конце XIX — начале XX вв., когда в процессе распада больших семей и патронимий в родственные кварталы стали проникать чужие семьи¹⁸⁴. Для избежания этого члены тукума сообща покупали дом и усадьбу семей, переселявшихся в другие места, или продавали их наиболее близким людям, например, родственникам по материнской линии. Указанные выше правовые нормы обладали юридической силой в том случае, если продаваемое или покупаемое имущество являлось наследственным. Как видим, институты родового выкупа и предпочтительной покупки родственниками преследовали целью сохранение патронимической собственности, а это значит — самой патронимии.

Пережитком коллективной собственности балкарского тукума можно считать также такой порядок, по которому члену

¹⁸¹ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 558.

¹⁸² «Труды комиссии...», стр. 39.

¹⁸³ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 102, лл. 161—162 об.

¹⁸⁴ Об этом красноречиво свидетельствуют данные полевого этнографического материала.

этой родственной организации позволено было в случае необходимости брать займы у любого другого ее члена сено из стога, коня для поездки и т. д., причем даже не спрашивая на это разрешения хозяина. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский писали, что у балкарцев «всякие родственники, аталыжи и кунаки, не спросив хозяина, вводили к себе лучшую скотину, что, по местным понятиям, не считается воровством»¹⁸⁵.

Не менее важным свидетельством существования архаически коллективной собственности тукума на скот являлась патронимическая фамильная тамга — «тукъум тамгъа». Общеизвестно, что таврение скота и нанесение ему отличительных меток — знаков характерно было для многих народов, занимавшихся скотоводством, и, в частности, для балкарцев, у которых первое носило название «тамгъа уруу», второе — «эн салыу». Нами были найдены патронимические тамги Гулиевых из сел. Верхний Баксан, Шахмурзаевых из сел. Булунгу, Хуламхановых из сел. Безенги, Балаевых и Бечиевых из Быллыма, Эльмурзаевых и Ольмезовых из Эльбруса, Биттуевых и Мотаевых из Ташлы-Тала, Мусукаевых из Чегема. Кроме названных патронимических, были распространены и семейноличные тамги — «энчи тамгъа». У балкарцев и карачаевцев известно множество форм ушного мечения (эн элгюле): ушной надрез стрелкой (джаркъа), усеченной формы (чорт), боковой вырез (кез), круглый вырез (тешик), двойной вырез (сыргъа), прямолинейный вырез (джырыкъ), косое отсечение края уха (седегей кертилген), прямое отсечение его (тюз кертилген) и др., которые в комбинации давали большое разнообразие меток»¹⁸⁶. Тамги и метки различных балкарских семей и патронимий довольно разнообразны. Разделенные семьи создавали новые тамги и отличительные знаки. Тамга делящейся семьи, по обычаю, оставалась у старшего брата. Данные нашего полевого материала дают возможность установить, что балкарские тамги имели много общего с тамгами других народов Северного Кавказа, что свидетельствует о их тесных взаимосвязях.

Родственная солидарность патронимии проявлялась и в вопросах платы за кровь, в вопросах брака и гостеприимства. В период распада больших семей и патронимии, с ослаблением кровнородственного союза тукума месть у балкарцев заменялась системой выкупов «къан алгъан», которые вручались старшему из семьи убитого. Е. З. Баранов, специально занимавшийся изучением быта и законов обычного права балкарцев, писал, что «кровомщение в горах не принимает таких широких размеров, какие оно принимает у ингушей, чеченцев и осетин, и его нетрудно предупредить, склонив кровников к

¹⁸⁵ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 543.

¹⁸⁶ И. М. Шаманов. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX вв. — КЭС, 1972, вып. 5, стр. 83.

примирению»¹⁸⁷. «Они руководствуются,— отмечал С. Ф. Давидович,— своим обычным правом или адатом, по которому всякое преступление может быть погашено примирением, и только если оно не состоится, виновный предается в руки властей. Всякое примирение предполагает выплату потерпевшей стороне известной денежной пени; в делах о кражах она равняется двойной цене похищенного. Даже умышленное убийство не подлежит преследованию, если родственники убитого мирятся с убийцей. Но в этих случаях размер пени доходит до 1500 рублей»¹⁸⁸. При выплате денежной компенсации маловажную роль играло социальное положение потерпевшего и виновного, т. е. отношение их к тому или иному сословию¹⁸⁹. В конце XIX — начале XX вв. по нормам обычного права круг мстителей и ответчиков под влиянием утраты тесных кровнородственных связей, русского законодательства и мусульманского права¹⁹⁰ был ограничен группой близких родственников в пределах группы «айырылгъан къарындаш». Члены тукума также принимали участие в платеже выкупа, так как, например, за убийство назначалась такая «цена крови», которую одна семья, даже родственная группа «айырылгъан къарындаш», не всегда в состоянии была без ущерба для хозяйства выплатить. Кроме того, «участие родственников в платеже выкупа столь же обязательно у татар (балкарцев.— А. М.), как и у осетин»,— читаем мы у И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского. Помощь, как уже говорилось выше, все же зависела от степени родственных связей. Круг ответчиков, куда входили родственники как по отцу, так и по матери, был гораздо шире, чем круг получателей. После уплаты по договоренности денежного выкупа «къан алгъан» тукум убийцы с целью окончательного примирения устраивал угощение для представителей патронимии убитого.

Кровная месть в Балкарии в изучаемый период не имела такого распространения, как у других народов Кавказа. У табасаранцев законы адата допускали «кровную месть за личную обиду, убийство или ранение, нарушение общественного порядка и т. д. В случае убийства адат обязывал умертвить убийцу или кого-либо из его родных»¹⁹¹. «Бичом дореволюционной Чечни была кровная месть, тянувшаяся годами и

¹⁸⁷ Евг. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды.— Газ. ТВ, 1894, 21 декабря (№ 149).

¹⁸⁸ С. Ф. Давидович. Восхождение на Эльбрус, стр. 357.

¹⁸⁹ См.: «Документы по истории Балкарии», стр. 89.

¹⁹⁰ Шариат сужал круг мстителей и ответчиков до самых ближайших родственников убитого, при этом кровная месть распространялась только на убийцу.

¹⁹¹ М. М. Ихлов. Табасаранцы.— В кн.: «Народы Кавказа», т. 1. М., 1960, стр. 525.

приводившая к истреблению большого числа людей»¹⁹². Круг ответчиков и мстителей в таких случаях ограничивался пределами патронимии.

По обычному праву балкарцев, брак между родственниками, даже дальними, категорически воспрещался, кровосмешение считалось тяжким преступлением. Экзогамия соблюдалась как по отцовской линии, так и по материнской¹⁹³. Семейная экзогамия существует у балкарцев и по сей день. «Браки внутри одной и той же фамилии были запрещены адатом»¹⁹⁴. «Чувство «тукъума»,— сказал У. Б. Алиев на сессии, связанной с происхождением карачаевцев и балкарцев в г. Нальчике в 1960 г.,— в сознании карачаевца и балкарца развито сильно. Например, осуждаются и сейчас браки между посетителями одной и той же фамилии, хотя бы они не имели никакого родства»¹⁹⁵. Последнее высказывание больше относится, правда, к карачаевцам, поскольку среди балкарцев даже в наши дни найдутся 2—3 фамилии, которые имеют однофамильцев не родственников.

Брак между родственниками во все времена сурово наказывался общественным мнением и судом, вплоть до изгнания из общества и лишения гражданских прав. Запрещался также брак и между лицами, связанными другими видами родства. Балкарцы признавали не только физическое родство, но и фиктивное. Так, например, строго соблюдалось молочное родство — «сют жууукъ»¹⁹⁶. И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский писали, что «между родом кормилицы и родом вскормленного ею не может быть брака. Татары (балкарцы.— А. М.) знают на этот счет следующую поговорку, по-видимому, заимствованную ими у осетин: молоко идет так же далеко, как и кровь, т. е. родство по кормилице в тех же степенях, что и кровное»¹⁹⁷. Наложено было запрещение обычным правом на брачные отношения между лицами из семьи аталыка и эмчека. «...Воспитанник, или «емчек», лишается права вступать в брак с кем-либо из семьи аталыка»¹⁹⁸,— отмечали И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский. Брак у балкарцев запрещался до седьмого колена также между лицом, у которого молодой проводит первые дни после женитьбы, — «болуш» и семьей жениха, между семьей повитухи — «аначы» и семьей принятого ею ре-

¹⁹² Б. А. Калоев. Чеченцы.— В кн.: «Народы Кавказа», т. 1. М., 1960, стр. 366.

¹⁹³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 76, 79, 85, 85 об., 95.

¹⁹⁴ Н. Ф. Такоева. Балкарцы.— Указ. соч., стр. 290.

¹⁹⁵ У. Б. Алиев. Выступление.— В кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 247.

¹⁹⁶ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 97 об., 100 об., 108 об.

¹⁹⁷ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 568.

¹⁹⁸ Там же.

бенка. Запрещалось вступать в брак членам двух семей, если в одной из них воспитывался человек другой семьи.

Родственная солидарность и общественное единство патронимии заключались в участии ее членов в обеспечении безопасности. В случае военной опасности действовал «принцип полной мобилизации», т. е. все мужчины общества считали своим долгом и обязанностью встать на защиту своей земли¹⁹⁹. Сигналом к началу войны служил черный флаг, или флаг войны «кзуугун байракъ», на котором были изображены пересекающиеся жинжал со стрелой²⁰⁰. Во главе ополчения обычно ставили наиболее храброго из таубиев.

Немаловажную роль в общественной жизни балкарцев играло гостеприимство. Гостеприимство, являвшееся древнейшим обычаем горцев и унаследованное от родового строя, определяло общественное единство патронимии. Обычай гостеприимства свято передавался из поколения в поколение. Балкарцы считали гостеприимство не просто добродетелью, а долгом. По словам Г. Мерцбахера, «горские татары (балкарцы. — А. М.) — поразительно веселые, общительные люди, отличающиеся гостеприимством и дружелюбием»²⁰¹. Посетивший Балкарию в 1905 г. Мориц фон Деши писал: «Мы всегда встречали проявление большого гостеприимства у татар, как национального обычая соплеменников князя²⁰², обычая, в котором я не раз убеждался сам».

Об этом же писали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, посетившие в 1884 г. Баксанское ущелье: «Здесь же пришлось нам впервые столкнуться с горными понятиями о гостеприимстве. Хотя мы сами навязались на угощение, вполне уверенные, что берем кефир за деньги. Однако горец, пожертвовавший нам большую часть содержания своего бурдючка, упорно отказывался от денег и, осыпав нас пожеланиями счастливого пути, отъехал восвояси»²⁰³.

Большим позором считалось у балкарцев отказать гостю в приеме, и кто это делал, покрывал позором не только себя и семью, но и весь тукум²⁰⁴. А честь для горца-балкарца была высшим судом совести. «Бизге не да болсун, тукъумну намысы тас болмасын» — «Пусть с нами случится любая беда, лишь бы тукум не лишился своего намыса», — говорят в Балкарии. Гость в любом случае считался «священным» лицом. Когда дело касалось гостеприимства, не различали ни друзей, ни вра-

¹⁹⁹ См.: *Горец*. Указ. соч., стр. 2.

²⁰⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 62 об.

²⁰¹ Г. Мерцбахер. Указ. соч., стр. 550.

²⁰² Мориц фон Деши имел в виду Хамзата Урусбиева, младшего брата Исмаила — главы фамилии Урусбиевых, сопровождавшего его во время поездки по Балкарии.

²⁰³ В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 548.

²⁰⁴ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 14 об., 19 об., 22, 27 об.

гов, ни бедных, ни богатых²⁰⁵. По словам Н. А. Караулова, «к посещающим их иноземцам балкары относятся с большим радушием и приветливостью, прилагая всевозможные заботы к тому, чтобы доставить наиболее удобства своим гостям»²⁰⁶.

В центре каждого селения или поселка обычно было управление, где, как правило, встречали гостей всем аулом²⁰⁷, если же гости являлись в чей-либо дом, то они были гостями хозяина дома.Guestы принимали в особом доме, называемом «кьо-накъ юй» — «кунацкая». Н. А. Караулов отмечал, что «у каждого мало-мальски состоятельного балкарца есть особая комната, куда может заехать всякий приезжий»²⁰⁸. У бедных балкарцев кунаткой комнатой была одна из комнат «отоу». Поэтому-то, кунаткую имела в этом смысле каждая семья, независимо от ее материального состояния. В конце XIX — начале XX вв. строительство отдельных кунатких было уже доступно только состоятельным семьям. Патронимические однофамильные поселки имели общую кунаткую, в чем весьма ярко проявлялось их общественное единство. Княжеские кунаткие стояли отдельно от основного жилища. «У князя Урусбиева два дома. В одном живет он с семьей, другой дом, из трех комнат больших, назначен для приема гостей»²⁰⁹, — читаем мы в журнале «Вестник Европы». Обстановка кунатких, как у таубиев, так и у крестьян, не отличалась особым убранством. Стены были увешены оружием, в некоторых домах — покрыты коврами, на полках стояла посуда; здесь было несколько лавок и столов. В каждой кунаткой на стене висели музыкальные инструменты.

Guestы обычно встречал хозяин дома «юй тамата», а иногда старший его сын, которые провожали их в кунаткую. Guestю, был ли то мужчина или женщина, младшая невестка или одна из дочерей хозяина снимала обувь, помогала мыть ноги, после чего приносила снова кувшин с водой, тазик и полотенце для умывания. Затем его усаживали на самое почетное место за столом. Если guest был мужчина, его обслуживал сам хозяин или его сын²¹⁰. Они должны были развлекать guestя и всячески ему угождать²¹¹. Затем начиналось угощение. Вот как описывает церемонию обслуживания guestя у балкарцев С. Давидович: «Прежде всего вам поднесут в большой деревянной чашке «айран» — превосходный молочный напиток вроде кумыса, но еще более освежающий и питательный. Затем вынесут ни-

²⁰⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 19 об., 26, 47 об.

²⁰⁶ Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 134.

²⁰⁷ См.: В. Тепцов. Указ. соч., стр. 195.

²⁰⁸ Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 148.

²⁰⁹ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 98.

²¹⁰ См.: М. Леонтьев. Поездка к Баксанскому леднику. — СМОМПК, вып. 22. Тифлис, 1897, стр. 128.

²¹¹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 109 об.

зенький треногий стол и подадут баранину в разных видах: жареную, вареную и в заключение бараний же суп»²¹². Во время еды первым должен начинать гость, а затем «юй тамата» и остальные. Никто не имел права встать из-за стола раньше гостя. В разговоре участвовали только старшие и гость²¹³. После трапезы снова приносили тазик, кувшин с водой и полотенце для умывания.

Прием гостя нередко создавал очень много хлопот для хозяев, так как не каждая крестьянская семья отличалась состоятельностью и не всегда могла найти необходимые продукты для угощения. Однако, «несмотря на жалкую обстановку сакли,— писал популярный советский географ С. Меч,— нищету и бедность, каждый старается окружить гостя таким материальным довольством, какое и сам он редко видит у себя дома». Посильную помощь в этом оказывали родственники и соседи, так как «гость одного считался гостем всей патронимии» и даже селения.

Наибольшей устойчивостью в изучаемый период характеризовалась идеологическая общность тукума, находившая отражение в сохранении в памяти членов патронимии единства своего происхождения от общего реального предка, положившего начало их патронимии и его самоназванию. Представители одной фамилии, жившие в разных ущельях, часто помнят легенду образования своей фамилии и историю их рода. Так, например, Хуламхановы из Безенги, Гунделена, Белой Речки, Герпегежа, Советокого, Новое Хамидие и Хасаньи; Мусукаевы из Гунделена, Верхнего Чегема, Лашкуты, Заюково, Новой Балкарнии и Хасаньи; Османовы из Герпегежа, Верхней Жемталы, Верхней Балкарнии, Терскола, Бабугента, Лашкуты, Гунделена и Вольного Аула; Атабневы из Белой Речки, Бабугента, Верхней Балкарнии, Гунделена и Безенги.

По сообщению К. Анаева, основателем их тукума был Темир, сын женщины из Чегемского ущелья, единственной оставшейся в живых после кровной вражды с односельчанами и поселившейся в Шики Хуламо-Безенгийского ущелья. Темир родился в сел. Шики, где ему и дали прозвище «ана» — «мать», которое в дальнейшем перешло в фамилию Анаев.

По словам Ю. Чочаева родоначальником их фамилии был Чочай, выходец из Дигорского ущелья.

Старшее поколение Мусукаевых появление своей фамилии относит к началу XIX в. Родоначальник Мусукаевых был родом из свободолубивого и независимого сел. Масукау из Дигорского ущелья. В те годы, повествуется легенда, кабардинский князь Кайтукин не раз пытался заставить платить дань жителей этого селения, но тщетно. И вот однажды произошло

²¹² С. Давидович. В горах Кавказа. (Путевые очерки), стр. 26

²¹³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 110, 110 об., 113 об.

кровавое столкновение между людьми Кайтукина и жителями Масукау, в результате чего масукауцам, предвидевшим начало кровной мести, пришлось покинуть свое селение и уйти в леса, чтобы избежать от преследования стариков, женщин и детей. Один из жителей селения, сейчас трудно сказать, каким было его настоящее имя, больше всего чувствовавший вину в случившемся, вместе с женой и детьми переселился в Чегемское ущелье в местность Орсундак. Здесь он назвал себя Мусака.

Наиболее ярко идеологическое единство патронимии проявляется в ее наименовании, являвшемся производным, т. е. происшедшем от собственного имени основателя тукума. Проявление идеологического единства патронимии в самоназвании было характерно для многих народов Кавказа. «Азербайджанская патронимия обычно получала свое наименование от собственного имени действительного или легендарного предка»²¹⁴. «Курдским *ибарам*» Армении свойственно также идеологическое единство, заключающееся в том, что члены этих групп считают себя происходящими от одного общего предка и чтут его память»²¹⁵. Русудан Харадзе пишет, что «в кизикских селах со всею очевидностью прослеживаются патронимические названия отдельных кварталов, сохраняющих первоначальные наименования генетически к ним восходящих семейных общин»²¹⁶. «Род,— отмечал Ислам Тамбиев, показывая, какое прочное идеологическое единство связывало карачаевскую патронимию,— имеет свое определенное имя, которое принадлежит исключительно ему одному, и это родовое имя передается от одного поколения к другому»²¹⁷.

Название тукума происходило от имени родоначальника патронимии, от его прозвища, а иногда от его ремесла или профессии. Но у балкарцев чаще всего имя или прозвище родоначальника тукума с прибавлением к ним тюркских суффиксов -ланы, -улу, -лары составляли наименование структурных элементов тукума.

В Балкарии встречались также тукумы, семьи которых носили несколько фамилий. В сел. Булунгу тукум Тапасхановых включал в себя родственные семьи, которые делились на четыре фамилии: Кюйгеновы, Аккизовы, Макитовы, Акбулатовы²¹⁸. При этом, когда речь заходила о Кюйгеновых или Аккизовых,

²¹⁴ Г. А. Раджабов. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане. (Этнографические исследования по материалам Ширвана). Автореферат. Баку, 1966, стр. 15.

²¹⁵ А. Авдал. Указ. соч., стр. 151.

²¹⁶ Р. Харадзе. Грузинская семейная община, т. 1. Тбилиси, 1960, стр. 106.

²¹⁷ Ислам Тамбиев. Указ. соч., стр. 94

²¹⁸ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 94.

обязательно говорили: из такого-то тукума, в данном случае — Таласхановых. Появление этих фамилий внутри тукума Таласхановых относится к 1918 г. Додуевы из Безенги положили начало фамилии Алтуевых, Мусуковы из Балкарского ущелья — Хучуевым, Генадруковым и Кыртаевым (информаторы Б. Алтуев из Верхней Жемталы и С. Алтуев из сел. Белая Речка). Но в основном семьи, переселившиеся в другие ущелья и создавшие там самостоятельные патронимии, сохраняли память о прежнем тукуме и не меняли своего имени. Переселившиеся во второй половине XIX в. из сел. Булунгу в сел. Гунделен Атакуевы считают, что ветвь, оставшаяся в сел. Верхний Чегем, является основой всей фамилии Атакуевых; несколько позже из Хулама в Гунделен и Белую Речку переселились Бачиевы, но главенство признают за ветвью, живущей в Хуламо-Безенгийском ущелье.

Название тукума часто распространялось и на название поселка. Так, тукум Байдаевых, обосновавшийся в местечке Койсюрген, в конце XIX в. дал название поселку Байдаевскому, тукум Башиевых, расположившийся в местечке Заракшы, поселку Башневых и т. д. Распространение названия того или иного тукума на название поселка, как уже отмечалось, являлось в основном результатом относительно раннего заселения поселка представителями той или иной фамилии, именем которой впоследствии он и назывался, или политического и экономического превосходства данной фамилии.

Почти все балкарские семьи в настоящее время сохраняют свои фамилии, происшедшие от их предков. Память о своем предке, как мы могли уже видеть из материалов восстановленных нами родословных схем, сохранялась членами фамилии до 9—10-го поколений, представители некоторых фамилий помнят и более отдаленных своих предков. Самоназвание тукумов в Балкарии весьма устойчиво сохраняется в качестве фамилий до сегодняшних дней. Об этом достаточно убедительно сказал на сессии «О происхождении балкарцев и карачаевцев» У. Б. Алиев: «Для современных карачаевцев и балкарцев и их предков характерно строгое наследование «тужъум»-фамилий — по имени родоначальника...»²¹⁹.

Кроме всех перечисленных случаев, идеологическое единство тукума проявлялось также в особых, знаменательных событиях той или иной семьи патронимии: в совместном проведении различных семейных праздников и торжественных мероприятий (рождение ребенка, свадьба и т. д.), а также похорон. Участие в них для членов патронимии было обязательным. Эти порядки сохранились в Балкарии до сих пор.

Идеологическая связь членов балкарского тукума выражалась в том, что каждый тукум имел свой отдельный участок

²¹⁹ У. Б. Алиев. Указ. соч., стр. 246—247.

на общем кладбище, в некоторых случаях большим тукумам принадлежали целые кладбища²²⁰. Отдельные кладбища имели однофамильные поселки. В Балкарии по сегодняшний день сохраняется обычай, в силу которого в случае смерти одного из родственников в другом месте, его хоронят на тукумном кладбищенском участке. Этот обычай наблюдается и у других народов Кавказа, например, у армян. Э. Т. Карапетян пишет: «Так, в бытность нашей этнографической экспедиции в сел. Верин Каранлух в одном из сел. Ехегнадзорского района умерла родственница нашего информатора Налбандяна Геворга из азга Налбандянов; трое мужчин поехали за покойницей (она была вдовой, и поэтому члены азга считают своим долгом взять на себя обязанности похорон), привезли ее и похоронили на своем кладбищенском участке»²²¹.

Члены патронимии оказывали друг другу не только материальную, но и моральную помощь. По обычному праву балкарцев, в похоронах должны были принимать участие представители всей патронимии. В день смерти одного из членов тукума тотчас же оповещали всех родственников, независимо от того, в каком селении или ущелье они жили. Это объясняется еще и тем, что, «по обычаю мусульман похороны должны состояться в день его смерти; в случае, если смерть наступила вечером, хоронили к полудню следующего дня,— рассказывает С. Шахмурзаев.— Его родственники и соседи собирались в доме умершего».

Психологический склад народа, сформировавшийся в нелегких для жизни условиях гор, и существовавшие столь долгое время пережитки родового строя явились основными причинами, оказавшими непосредственное влияние на наличие тесного общественного единства балкарцев даже в период распада большой семьи и патронимии. В день смерти ближайшие родственники устраивали оплакивание. Е. З. Баранов писал: «В доме умершего поднимался плач; женщины, в знак печали, расцарапывают до крови себе лицо, рвут на себе волосы»²²². Мулла читал молитву. Затем специальные люди обмывали тело и заворачивали его в саван. На кладбище умершего несли мужчины на носилках. Женщинам категорически запрещалось присутствовать на кладбище во время похорон. По мусульманскому обычаю, покойника клали на правый бок, головой в сторону запада. Могилу сначала обкладывали каменными плитами, а затем засыпали землей. В день похорон родственники — члены тукума и соседи собирали деньги для семьи покойного. Поминки устраивались родственниками на третий, седь-

²²⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 79, 82.

²²¹ Э. Т. Карапетян. Указ. соч., стр. 57.

²²² Евг. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды.— Газ. ТВ, 1895, № 2.

мой и сороковой день после похорон²²³. Ношение траура зависело от близости родства к умершему; семья умершего не отмечала никаких торжеств и праздников в течение одного или полутора лет. Хорошо знавший обычай балкарцев и карачаевцев, Ислам Тамбиев отмечал: «В случае смерти члена рода все его сородичи носили траур, воздерживались от участия в увеселениях. Траур долго продолжался близкими сородичами, а наиболее отдаленные снимали его через определенный промежуток времени с разрешения ближайших родственников покойного»²²⁴.

Как видим, патронимия у балкарцев в конце XIX — начале XX вв., находясь в стадии распада, продолжала еще сохранять некоторые черты экономической и хозяйственной общности, и в большей степени общественное и идеологическое единство семей, входивших в данную организацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерной особенностью Балкарии, как и других районов Северного Кавказа, было сохранение в быту живущего здесь народа в течение долгого времени, вплоть до 30-х годов нашего столетия, пережиточных форм общинно-родового строя. Факт существования здесь патронимических поселков и кварталов внутри полигенных селений нередко давал повод исследователям и путешественникам XIX в. для архаизации общественного строя и быта балкарцев. Само собой разумеется, что в Балкарии того времени первобытного рода в классическом его понимании уже не было, но еще сохранялись в трансформированном виде многие его характерные черты. Родовые общины в Балкарии стали распадаться еще в первобытно-общинном строе. Процесс этот, естественно, не был одноактным и прямолинейным, они делились на более мелкие родовые группы. И только впоследствии, с течением времени, из этих уменьшающихся в численном составе, родовых общин появились патриархальные семейные общины, развитие которых захватило также длительный исторический период, в результате чего им на смену пришли большие семьи отцовского типа, каковые уже не в первоизданном виде нам удалось зафиксировать на основе литературных, архивных и полевых материалов у балкарцев в конце XIX — начале XX вв. И лишь на этом, последнем этапе развития большой семьи вышли на арену жизни малые семьи. Что касается патронимической организации, то ее основные черты были свойственны самому родовому обществу. Формирование и развитие ее связывались с развитием семьи.

²²³ Архив ИЭ АН СССР, д. 29, лл. 12 об., 15 об., 22, 27 об.

²²⁴ *Ислам Тамбиев. Указ. соч., стр. 94.*

Общественная и семейная жизнь балкарцев базировалась на сложной системе феодальных отношений общества²²⁵. Существовавший уклад сочетал в себе остаточные элементы предшествовавшей общественно-экономической формации и уверенные ростки идущих на смену новых ступеней развития человеческого общества. На этом же основывались сохранность старого жизненного уклада балкарцев, а также характерные особенности их материальной и духовной культуры. В общественной жизни балкарцев продолжали бытовать большая семья, патронимия и сельская община. Большие семьи описываемого периода характеризовались деспотической властью главы семьи — отца («юй тамата»). Если же во главе семьи стоял один из братьев, то эта власть была более слабой. Семьи отцовского типа состояли из двух, трех или четырех поколений ближайших родственников, которые совместно владели имуществом и сообща трудились. В данном случае мы наблюдаем общие черты, свойственные большесемейным коллективам других народов Северного Кавказа, проявлявшиеся в структуре семьи, ее составе, экономических основах, форме управления и собственности, и кроме того, в организации внутри семьи трудовых обязанностей.

Патронимия, построенная на кровнородственных связях, включала в свой состав от 3—4 до 10—15 больших и малых семей. Свое происхождение они вели от одного предка, именем которого и называлась патронимия. Патронимия «тукъум» состояла из групп семей, связанных более близким родством — «атаул» и «айырылгъан къарындаш». Семьи и этих родственных групп, объединяясь соответствующими экономическими интересами, идеологическими и общественными связями, находились в различной степени родства. В конце XIX — начале XX вв. в Балкарии сохранились не все черты экономической общности тукума — патронимии и в гораздо большей степени общественное и идеологическое единство его семей. Весьма справедливо по такому же поводу, относительно народов Северной Албании, замечает Ю. В. Иванова: «Когда хозяйственная общность фиса (патронимии — А. М.) была нарушена реальным развитием экономической жизни, его идеологическая общность еще долго напоминала о себе, подобно эху в горном ущелье, перекатываясь, отдаляясь и замирая — медленно и постепенно»²²⁶.

Кроме того, наблюдается усиленное нарушение локального принципа поселения. Наши материалы свидетельствуют о постепенном исчезновении общественных архаических органи-

²²⁵ См.: К. Г. Азаматов. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968, стр. 45.

²²⁶ Ю. В. Иванова. Северная Албания в XIX — начале XX вв. Общественная жизнь. М., 1973, стр. 235.

заций, построенных на кровном родстве. Все более главенствующее положение занимают территориальные, соседские отношения — сельская община.

Сегодня еще живут люди, которые были современниками XIX в. и являются живыми свидетелями истории. И именно они, ввиду ограниченности и недостаточности литературных и архивных материалов, могут помочь нам в решении многих, еще неясных вопросов истории Балкарии.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Большая семья и ее распространенность в Балкарии конца XIX—начала XX вв.	17
Отличительные качества семьи отцовского типа	23
Экономическая основа большой семьи	47
Отношение к семейному имуществу	59
Группы родственных семей	69
Формы расселения патронимии	74
Проявление общности семей тукума	80
Заключение	96

Александр Ибрагимович Мусукаев

ИЗ ПРОШЛОГО НЕЗАБЫТОГО

Редактор *Л. А. Лачинова*

Художник *Э. Х. Бгажноков*

Художественный редактор *И. Г. Абрамов*

Технический редактор *С. С. Кумукова*

Корректор *С. А. Будаева*

Сдано в набор 17/IV 1975 г. Подписано к печати 30/V 1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Печ. л. 6,25+вкл. 0,5
Уч.-изд. л. 6,7+вкл. 0,372. Тираж 1500 экз. Заказ № 4867. Ч 00480
Цена 24 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров КБАССР
Нальчик, пр. им. Ленина, 33